

Михаил Шуваев

Чужая игра

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Шуваев М. А.

Чужая игра / М. А. Шуваев — «АСТ», 2016 — (Звездный Гольфстрим)

Со стапелей арктурианской космической верфи сходят лучшие звездолеты Конфедерации. Необычные результаты психотеста главного инженера становятся отправной точкой в расследовании тайной деятельности на центральном объекте верфи – Тетраздре, куда с Земли направляют специального агента Ричарда Сноу. Казавшееся поначалу простым, дело сразу же начинает стремительно обрастать необъяснимыми фактами и загадочными событиями. Все запутаннее и невероятнее становится картина происходящего и таинственный замысел неведомых грозных сил.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Шуваев М. А., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	44
Глава 9	47
Глава 10	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Михаил Шуваев

Чужая игра

Серия «Боевая фантастика»

© Михаил Шуваев, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

*Выражаю благодарность
Андрею Воробьеву,
Александру Терентьеву,
сыну Михаилу и сестре Татьяне
за ценные советы и замечания.*

Глава 1

Специальный агент КОНОКОМа¹ Ричард Сноу быстрым спортивным шагом спустился по трапу и направился к гравикару, в который рассаживались пассажиры галактического лайнера «Змееносец», прибывшего charterным рейсом компании «Фар лайнз» с колонии Сириус-5². Июльское полуденное солнце сразу обволокло англичанина своими жаркими лучами. Бетон Брюссельского космопорта нагрелся, больше не хотел воспринимать тепло и интенсивно отражал его в окружающее пространство. Конвекционный эффект превращал любое открытое пространство в подобие огромного духового шкафа. Далекое белое здание пассажирского терминала слегка колыхалось и мялось в восходящих потоках раскаленной атмосферы, словно теплый пластилин. Сноу невольно ускорил шаг, чтобы побыстрее миновать этот гриль и окунуться в кондиционированный воздух гравикара.

В здании космопорта он прошел нехитрую процедуру регистрации. Подхватив небольшой саквояж, Ричард запрыгнул в ближайший флаер и назвал себя. На передней панели, повинаясь электронному мозгу автопилота, шевельнулся телеобъектив с крошечным микрофоном, просканировал его голос и внешность, соотнес их с планетарной базой данных и медленно произнес:

– Здравствуйте, месье Сноу. Куда прикажете вас доставить?

– Домой.

Ричард даже не побеспокоился назвать адрес – он имелся в базе и был доступен роботу.

– Аланзи, улица Роз 22, – нашел нужный файл пилот. – Взлетаем, прошу пристегнуть ремни безопасности. Наш полет продлится тридцать минут и будет проходить над...

– Выключись, – попросил Ричард и, достав МИППС³, надвинул на глаза специальные очки и настроился на просмотр новостных каналов. За те несколько дней пути, которые он предпочел провести в анабиозе, на Земле случилось много интересного.

Пилот замолчал, закрыл прозрачную дверь кабины и аккуратно стал набирать высоту.

– Кондиционер на двадцать градусов, – попросил Сноу.

– На двадцать, – повторил автомат.

Ричард погрузился в новостной видеопортал глобалнета и отрешился от внешнего мира. Он с интересом прослушал информацию о том, что Высший Совет зачем-то снова поднял вопрос о демонтаже гигантской системы суперподземки – мономагга, монорельсового магнитного глайдера, или ММГ – более индивидуального и на порядок, а то и выше, более совершенного технологически преемника старого метро и скоростного монорельса. Сеть туннелей ММГ распространилась на все континенты, за исключением Антарктиды. В течение почти ста пятидесяти лет этим транспортом пользовалось большинство землян. Однако с бурным развитием индивидуального и доступного флаертранспорта ни автомобили, ни мономагг не смогли выдержать конкуренции. Первые в подавляющем большинстве пошли на переработку, за исключением суперкаров и коллекционных машин, а системой ММГ просто постепенно перестали пользоваться и забыли. Но, как это ни странно, ни у кого так и не поднялась рука отключить суперкомпьютер Фарадей пиковой мощностью до 1 эктафлопа⁴, обслуживающий всю мировую сеть ММГ и не допустивший ни одного серьезного сбоя или аварии за все время эксплуатации системы. Иногда какая-нибудь артерия системы оживала

¹ Контактная объединенная комиссия Земли.

² Сириус — альфа Большого Пса, звезда спектрального класса А1, расстояние до Солнечной системы – 8,6 световых лет.

³ Малый индивидуальный прибор планетарной связи и коммуникации.

⁴ Флопы (FLOPS) – внесистемная единица, используемая для измерения производительности компьютеров. Показатели самых мощных современных суперкомпьютеров достигают 10 петафлоп.

и разгоняла до бешеной скорости когда любителей острых ощущений, когда группы школьников, изучающих историю науки и техники, когда студентов транспортных вузов... На 99 процентов система ММГ бездействовала, хотя и была готова в любой момент заработать с полной нагрузкой – все необходимые технические работы проводились в срок и в полном соответствии с регламентом. Раньше эту систему законсервировали бы «на случай войны», а теперь зачем? Но периодически какой-нибудь умник из Совета ставил вопрос о демонтаже всей системы, мотивируя это высокими затратами на ее содержание и текущий ремонт. Пока, к счастью, законопроекты не набирали и десятой части требуемых голосов членов Совета и благополучно проваливались. Скорее всего, в этот раз произойдет то же самое. По крайней мере, так хотелось думать.

Флаер вскарабкался на высоту, сделал плавный разворот и устремился на юго-восток. Безоблачное небо было испещрено маленькими и большими точками – индивидуальными флаерами и многоместными флайтами, которые двигались по невидимым, но строго очерченным воздушным коридорам. Эти воздушные течения, похожие на пчелиный рой и состоящие из сотен летательных аппаратов, нигде не пересекались – места в небе пока хватало для всех с избытком.

На МИППСе замигал оранжевый индикатор вызова. Ричард чертыхнулся, отодвинул в самый край очков новостной портал и ответил:

– Слушаю вас, господин директор. На экране появилось ничего не выражающее лицо директора Контактной объединенной комиссии Земли японца Дон Кимуры:

– Здравствуйте, Сноу, я так понимаю, что вы прибыли на Землю...

– Так точно, господин директор, пятнадцать минут назад «Змееносец» совершил посадку на космодроме Брюсселя. Отчет о командировке я вам направил еще...

– Я его прочитал. Сейчас не об этом, есть дело поважнее. Дома вас дожидается Блумберг, вы ведь домой летите? Ну так вот, он введет вас в курс дела. Прикиньте план мероприятий, помозгуйте. Как придумаете что-то дельное – ко мне на доклад. Только не рассчитывайте, что у вас много времени! Если будет утечка по делу, то не миновать серьезного скандала с непредсказуемыми последствиями. Так что – ноги в руки и поворачивайтесь! Все, работайте, спецгент.

Дон Кимура отключился, и «до свидания» Ричарда повисло в воздухе. Сноу было не привыкать к такому повороту событий, но все-таки он рассчитывал хоть на один день отдыха.

– Эй, как тебя там, у руля! Давай побыстрее! – приказал он автопилоту.

– Месье Сноу, флаер держит оптимальную скорость, рекомендованную...

– Так перейди на максимальную!

– Перехожу на максимально разрешенную скорость полета. Новое расчетное время прибытия в Аланзи через семь минут. Наземный диспетчер предупрежден...

– Не мешай...

Через несколько минут автопилот быстро, но плавно посадил флаер на небольшой авиапарковке возле двухэтажного коттеджа, окруженного старыми раскидистыми платанами. Лужайка перед домом поливалась специальным дроидом, который, покачиваясь в полуметре от травы, волочил за собой тонкий прозрачный шланг. Заметив вернувшегося хозяина, робот остановился, сбавил напор и отвернул струю от центральной дорожки, ведущей к входной двери. Электроника роботизированного дома признала Ричи, и он беспрепятственно вошел в свои владения. Заглянув в большую светлую гостиную, Сноу приметил фигуру, сидящую на диване, вытянув перед собой длинные ноги в бежевых сандалиях и созерцающую какую-то передачу по голограммизору. Начальник научного отдела КОНО-КОМа Айвенго Блумберг собственной персоной посетил его скромную обитель.

– Привет, агент, – не отрывая глаз от экрана, произнес он. – Твоя домашняя механика меня узнала и впустила.

– Здорово, викинг. Я через пять минут буду, – ответил Ричард и направился в душевую.

Смыв с себя усталость, пыль Сириуса и раздражение от звонка Дон Кимур, он переоделся в шорты и майку и вернулся в гостиную.

– Газировку с кислородом будешь? – принимая из манипуляторов подплывшего дроида запотевший бокал с бурлящей холодной водой, спросил он.

– Я уже опился и газировки, и сока, и кампари с лимоном, – не меняя позы, отвечивал Айво. – В животе булькает... Если бы ты задержался, меня увезли бы отсюда с диагнозом водянка. Как съездил?

– Нормально. Все оказалось проще, чем мы думали.

– Самовозбуждающийся резонанс в штреках?

– Точно, как ты и предполагал.

– Хорошо, – удовлетворенно заключил Айво и сел прямо. – Готов к новой вводной?

– Да куда ж от вас денешься? – Ричард плюхнулся в кресло. – Начинай, вводи.

– Ричи, включи защиту, пожалуйста.

– Фильтры на окна, волновой барьер, сканирование периметра. Высший уровень, Элм, – скомандовал Сноу электронному мозгу дома.

Стекла окон сразу же потемнели, резко снизив световой поток, и в гостиной стало почти темно. Над журнальным столиком трехмерное изображение, проецируемое голографизором, сменилось на объемную фотографию человека лет сорока, с правильными, немного резковатыми чертами лица и с длинными, слегка выющимися волосами, спадающими на плечи.

– Франсуа Бонне, сорок пять лет, родился в Нейи во Франции, окончил Гренобльский политех, защитил кандидатскую, затем почти сразу же докторскую диссертации, инженер, как говорят, от Бога, главный технический разработчик строительства последней очереди Арктурианской космоверфи. Практически вся концепция и принципы строительства принадлежат именно ему. Всеми признано, что последняя очередь верфи позволит в разы улучшить качество и надежность выпускаемых космических кораблей. Попал в поле зрения КОНОКОМа около месяца назад.

– В связи с чем? – спросил Ричи и поставил полупустой, бурлящий бокал на журнальный столик.

– Рутинная проверка служащих, занятых на значимых закрытых производствах и направлениях. Вообще-то Бонне постоянно находится на космоверфи, которая расположена на орбите Архипелага – главной планеты Арктурианской системы⁵, и пришлось предложить ему пройти тест, когда он ненадолго прибыл в головной офис строительства.

– То есть проверку проводили на Архипелаге?

– Да, в столице Арктурианской колонии городе Бриз.

– Проверку проводил наш отдел внутреннего контроля? – уточнил Сноу.

– Точно так, – подтвердил Айво. – При собеседовании с использованием графоскопа, вскрылись некоторые отклонения от стандартных показателей. Совсем незначительные, практически не выходящие за рамки допустимой погрешности, но все же отклонения. При повторном собеседовании, проведенном через несколько дней, отклонений не обнаружилось.

Ричард с удивлением растопырил пальцы, будто говоря: «Ну, и все, вопрос закрыт!» Но Блумберг поднял руку, призывая не торопиться:

⁵ Арктур – альфа Волопаса, красный гигант спектрального класса К, расстояние до Солнечной системы – 37 световых лет.

– Подожди. Наши сначала тоже так подумали и совсем было решили закончить проверку, но кто-то дотошный сверился с инструкцией и нашел там пункт о том, что в случае остающихся сомнений, рекомендуется установить за объектом наблюдение на несколько дней. Что и сделали. Вот, смотри.

Айво настроил свой МИППС, и на объемном экране появилась со вкусом обставленная комната с камином посередине и огромным окном во всю стену, за которым слегка светилась фиолетово-оранжевая арктурианская растительность. Посреди комнаты стоял большой мягкий диван, а три кресла окружили стеклянный журнальный столик. У окна, спиной к камере стоял невысокий человек с длинными волосами, судя по всему, Бонне.

– Придя с работы в тот день, когда агенты установили следящие камеры, он прошел в гостиную, встал у окна и простоял так всю ночь. Потом как ни в чем ни бывало пошел на работу.

– Не понял. Где тут криминал. Ну, постоял, нервничал, видимо, после не очень приятных собеседований...

– Ты не понял. Он простоял так всю ночь, ни разу не пошевелившись, как памятник.

– Значит, он андроид, и пусть тогда им занимается Роботехконтроль, а не КОНОКОМ!

– Очень смешно! – скривился Блумберг.

Сноу поскреб затылок:

– Хорошо, а дальше? В следующую ночь он опять...

– Нет, потом все нормально: пришел, поел, посмотрел визор, чуть поработал и в койку. Потом благополучно отстрелялся на втором собеседовании и отбыл обратно на космоверфь.

– Всё?

– Всё.

Сноу удивленно и с некоторым непониманием смотрел на начальника научного отдела, потом взял со столика бокал и допил воду.

– И ты хочешь, чтобы я...

– Не ты, а мы, и хочу не я, а Дон Кимура, – поправил Блумберг.

– Черт! – вырвалось у Сноу. – Старый лис что-то знает или просто чувствует. Ах да – он же сам сказал о каком-то скандале! Айво, что за скандал?

– Все предельно просто, Ричард. Франсуа Бонне близок к администрации Арктурианской колонии. Если мы на него бросим тень...

– Если он сам на себя не бросит тень, – поправил Сноу.

– ...мы на него бросим тень, – не обращая внимания на реплику Сноу, продолжил Айво, – то руководству КОНОКОМа придется объясняться на самом верху – в Высшем Совете Земли.

– Даже так? – присвистнул Ричи. – Ну, тогда мы с тобой, Айво, опять вляпались.

Начальник научного отдела пожал плечами:

– Не в первый и не в последний раз. Делать-то все одно – нечего. Надо работать. Ты готов дальше слушать или нет?

– Да, черт возьми! Давай излагай.

– Мне осталось подытожить. Что получается? Инженер, который работает на крупнейшей космоверфи Объединенной Конфедерации больше двадцати лет и по эскизам которого, собственно, и построена последняя, самая совершенная ее очередь, ни с того ни с сего, вдруг, во время рутинной проверки дает сбой. Дав сбой, он собирает волю в кулак и проходит второе собеседование без сучка и задоринки...

– Так, стоп, Айво! Бонне знал, что его первый результат не вполне комильфо?

– Нет, но из-за назначенного второго собеседования он вполне мог понять, что с первым что-то не так. А что тебя смущает?

– Подожди. Откуда он знает, сколько собеседований положено проводить при стандартной проверке?

– Ну-у-у... когда проходил ее в прошлый раз, запомнил, что одна, а тут – две!

– Кстати, а когда он проходил предыдущую проверку?

– Сейчас, – Айво заработал пальцами по клавишам МИППСа. – Ага, вот, в июле 2270 года, ровно пять лет назад. Замечаний не было. Значит, мог помнить.

– Хорошо, допустим, Бонне это помнил и ко второму собеседованию подготовился. Айво, а вот как ты себе представляешь подготовку к собеседованию на графоскопе? Разве можно к нему подготовиться? Ведь все реакции, данные, которые он снимает, неподконтрольны воле человека! Взял себя в руки и перестал волноваться? Ерунда! По-другому отвечал на вопросы? Нет, вряд ли, Айво, здесь мы пока чего-то недопонимаем. А не мог это быть просто сбой в работе прибора?

– Исключено.

– Почему столь категорично?

– Потому что это мне сказали специалисты, которые работают на графоскопах. За два дня, что были в моем распоряжении до твоего прилета с Сириуса, я тоже кое-что успел сделать, – обиделся Блумберг. – Не думай, что ты один у нас такой умный.

– Ладно, ладно! Ничего такого я и в мыслях не имел. Говорят, что невозможно – значит, отмечаем предположение. Но, как ни крути, а второе собеседование прошло нормально. Что по этому поводу говорят твои специалисты. Это укладывается в норму?

Айво косо посмотрел на Сноу:

– Нет, Ричи, не укладывается. Никто не может никаким волевым усилием подавить или, наоборот, активировать центры, отвечающие за глубинные процессы в мозге. Только медикаментозным путем можно... – Айво поднял руку, останавливая собравшегося что-то сказать Ричарда, – ...можно это сделать. Но перед вторым собеседованием у него взяли экспресс-анализ крови, именно в этих целях. Результат нулевой. Полная норма.

Айво замолчал и отложил в сторону коммуникатор. Ричард задумался, потом заговорил:

– Вот смотри, Айво. Представь, что тебе неожиданно сообщили о проверке. Ты совершенно не волнуешься, потому что тебе нечего скрывать от КОНОКОМа, и идешь на собеседование. И вдруг тебя, посчитавшего, что проверка закончена, вызывают на второе тестирование, причем еще и анализ крови берут. Что ты будешь делать, как рассуждать? Повторяю – за тобой ничего нет. Думаю, что ты, удивленный и взволнованный, придешь домой и места себе не будешь находить, гадая, что же последует дальше, верно? – Блумберг согласно кивнул. – А Бонне тоже волновался, места себе не находил, но проявлялось у него это другим способом – он проторчал всю ночь у окна, а не бегал как заведенный по дому. А вдруг он нарколептик и всю ночь просто-напросто проспал, стоя у окна? Это я сейчас предполагаю первое, что в голову придет.

– Я тебя понял. Но фаза парадоксального сна у нарколептиков обычно не превышает одного часа.

– Да откуда тебе это известно? – удивился Ричард.

– Ну, знаешь, я все-таки начальник научного отдела, а не какой-нибудь...

– Все-все-все! – замахал руками Сноу. – Проехали. Это у меня неудачная реплика получилась. Но я продолжаю. Второй вариант. Тебе есть, что скрывать. Это я фантазирую. Как ты будешь реагировать на повторное собеседование в этом случае? – прищурился Ричи.

– Как, как? Вколю себе что-нибудь...

– И попадешься на анализе, – торжествующе закончил Сноу.

– Ну да...

– Во-от! – Сноу встал с кресла и поднял вверх указательный палец. – Ты не можешь знать, что непосредственно перед повторным собеседованием у тебя возьмут кровь. А Бонне, получается, знал.

– Ричи, честное слово, я тебя не понимаю, то ты клонишь к тому, что Бонне невинная жертва обстоятельств, то делаешь предположение, что он четко просчитывал свои действия. Откуда это следует?

Сноу прошелся по комнате и остановился у затемненного окна:

– Не знаю Айво, вот, веришь – не знаю. Какое-то кривое дело нам подсунул директор, чтоб ему хорошо стало! Я вообще пока ни за что зацепиться не могу. Подожди, а когда его предупредили о втором собеседовании? И вообще, давай-ка разложим все хронологически, быть может, тогда станет понятно, где слабые места и куда надо бить.

– Бить никого и никуда не надо, – усмехнулся Айво и потянулся за МИППСом. – Значит, так. Пятнадцатого июля в девять утра к нему в рабочий кабинет в центральном офисе компании в Бризе пришли сотрудники КОНОКОМа и, предъявив соответствующий документ, предложили немедленно пройти собеседование на графоскопе. Бонне, конечно, дал согласие, и в течение часа отвечал на вопросы. Потом наши сотрудники ушли, предупредив его, что он может еще понадобится.

– Это они всех так предупреждают или выборочно?

– Не ерничай, – терпеливо начал Айво, но уверенности в его голосе поубавилось. – Дело в том, что расшифровка показаний графоскопа проходит в два этапа. Первый, предварительный, идет прямо во время сеанса собеседования, второй – в течение нескольких часов в стационарной лаборатории. Так вот. Во время собеседования графоскоп обозначил отклонения, и наши сотрудники, увидев это... – Айво замолчал и хлопнул себя по лбу. – Ну конечно, Ричи, ты прав! Наши идиоты практически в открытую предупредили Бонне, что будет второй сеанс.

Сноу прошелся по комнате, заложив руки за спину:

– Теперь поздно что-либо исправлять в действиях этих разгильдяев...

– Они получают свои выговоры... – мотнул головой Блумберг.

– А толку-то?! Тебе вот от этого легче станет?

Блумберг промолчал.

– Значит, так, Айво. Первое. Нам придется наплевать на все наши принципы и работать сразу две диаметрально противоположные версии. По одной мы расцениваем Бонне как честного человека, ни в чем себя не запятнавшего и просто попавшего в какую-то сложную, пока необъяснимую ситуацию. По второй мы априори считаем Бонне как минимум подозрительной личностью, способную плести какие-то интриги вокруг космоверфи, являющейся важным стратегическим объектом. Идет?

Блумберг кивнул.

– И второе: нам нужен человек, который конфиденциально мог бы нас консультировать по вопросам строительства и работы космоверфи.

Сноу отдал приказ, и дом снял защиту. В окна снова хлынул яркий солнечный свет, и сразу чуть громче засвистели под потолком решетчатые раструбы климат-контроля.

– Теперь так. Либо мы обедаем у меня, либо... – перевел разговор в гастрономическое русло Сноу.

– Мы идем в ресторан. Я нашел отменное местечко неподалеку от вокзала, там готовят буйябесс, реально похожий на марсельский. Летим? – закончил вместо него Айво.

– Летим, – стоя у открытой двери, ответил Ричард.

– Слушай, а что там на Сириусе подают в качестве «specialite de la maison»?⁶ Ты не пробовал там местный сифуд, что-то вроде «poix de St.-Jacques»?⁷ Говорят, пальчики оближешь...

Тяжелая входная дверь из толстого изотермического стекла с легким шипом закрылась за увлеченно беседующими детективами.

Неожиданно датчик движения подал сигнал, и крошечная видеокамера под потолком повернулась к полке, на которой в прихожей с момента возвращения Ричарда лежал сак-вояж. Сработал трансфокатор, приблизил сумку и несколько секунд сканировал ее в разных лучах и с поляризацией. Не обнаружив ничего особенного, камера развернулась, а электронный мозг дома классифицировал сигнал как ложное срабатывание датчика и запустил перезагрузку программного обеспечения датчиков движения. Через несколько секунд приборы перезапустились, а файл с информацией о незначительном инциденте был отправлен в архив.

⁶ Фирменное блюдо (*фр.*).

⁷ Морской гребешок (*фр.*).

Глава 2

Поздно вечером Сноу пришел домой и сразу включил гологравизор. Он хотел внимательно и без спешки посмотреть видеофайлы с участием Бонне, которые имелись в распоряжении КОНОКОМА.

– Так, посмотрим сначала первое собеседование, – пробормотал он себе под нос и включил воспроизведение.

На трехмерном экране посередине гостиной в воздухе возникло изображение.

– ...должны все зафиксировать на камеру. Вы не возражаете?

Картинка слегка качнулась влево, вправо и замерла, установившись. Бонне, сидя за столом в своем просторном рабочем кабинете, спокойно подставил голову, на которую один из конокомовцев водрузил шлем с торчащими из него несколькими усиками антенн.

– Господин Бонне, будьте любезны перед началом сеанса назовите себя, свой возраст, должность и место работы.

На экране было видно, что один из сотрудников сидит перед поставленным на стол монитором графоскопа несколько боком к инженеру и смотрит на цветной дисплей, где отображался целый ворох цифр и символов.

– Франсуа Бонне, сорок пять лет, главный инженер-проектировщик седьмого дока Арктианской космоверфи.

– Спасибо, господин Бонне, – поблагодарил его оператор, повертел несколько регуляторов и слайсеров и улыбнулся. – А теперь, если позволите, перейдем к нудным и часто неумным вопросам психотеста. На вопросы желательно отвечать одним словом, быстро, не особенно задумываясь. Если вопрос поставит вас в тупик, и вы не знаете, как на него ответить, ничего страшного, просто скажите «дальше», и мы пропустим его. Вся процедура займет у нас минут тридцать-сорок, не больше. Мой коллега, работая с прибором, запишет все показания, и, я надеюсь, на этом мы завершим. Готовы?

Франсуа Бонне молча кивнул головой, и антенны на шлеме слегка завибрировали.

– Поехали. В дорожном покрытии у вас на пути вы увидели трещину. Наступите ли вы на нее?

– Нет.

– Какая погода больше способствует творческому настрою: пасмурная или ясная?

– Пасмурная.

Сноу не очень внимательно слушал вопросы и ответы. Он ждал того момента, когда графоскоп отметит незначительный сбой в ответах Бонне.

– Вы вышли из дома в дождь, но забыли зонтик. Вернетесь ли вы за ним домой, или махнете рукой и пойдете так?

– Вернусь.

Пока в вопросах психотеста не чувствовалось явного подвоха, но Сноу знал, что каждый из них несет в себе небольшую, но четкую нагрузку. Это только с виду они казались такими безобидными. Только с виду.

Собеседование приближалось к завершению, когда оператор задал следующий вопрос:

– Неподалеку от вас на безлюдном берегу моря упал и сильно ушибся ребенок, а в это время в воде тонет собака. Кому поможет первому?

– Ребенку.

Сотрудник, работавший с графоскопом, чуть наклонился вперед и на треть оборота повернул один из регуляторов.

– Вы работаете дома, у вас срочное задание. К вам неожиданно пришел знакомый. Вы объясните ему, что не можете его принять, или выслушаете? – продолжал между тем бубнить второй.

Сноу отметил про себя эпизод с вопросом о собаке. Сверившись со справкой, которой его снабдил Айво, он понял, что это и есть один из моментов, где Бонне отклонился от нормы. Но это пока что совсем чуть-чуть, мизер.

– Вас подвел лучший друг. Обидитесь ли вы на него или простите?

– Дальше.

Оператор снова едва заметно взгляделся в экран внимательнее, но на этот раз не тронул ни одной рукоятки на панели прибора.

Наконец, допрос закончился, и сотрудники КОНОКОМа стали собирать графоскоп. С Бонне сняли шлем.

– Спасибо, господин Бонне, надеюсь, что на этом проверка закончена. Если же вы нам понадобится еще раз... – задававший вопросы улыбнулся и развел руками.

Сноу остановил запись и задумался. Для него проколы бригады были вполне очевидны. Оставалось понять – верно ли это и в отношении Бонне, то есть понял ли инженер, что допустил промах. Он снова включил просмотр с момента вопроса о собаке. Бонне с закрытыми глазами ответил на вопрос... Стоп. Как он сидит? Сноу постарался представить себе пространственное расположение всех действующих лиц в комнате, но что-то ускользало от его понимания.

– Смоделировать пространственную конфигурацию сцены и персонажей! – отдал он приказ компьютеру.

Посреди комнаты в воздухе материализовалась пространственная конфигурация арктического кабинета Франсуа Бонне и расположение на ней сотрудников КОНОКОМа и самого инженера. Внимательно взглядевшись в изображение, повертев его и так и эдак, Сноу пришел к выводу, что даже если бы Бонне пытался целенаправленно отслеживать информацию на мониторе графоскопа, это ему не удалось бы: угол настолько острый, что картинка сливалась для него в сплошную радужную линию. А так ли уж выдали себя конокомовские горе-операторы?

Сноу опять просмотрел запись. Нет, не явно. Оператор, непосредственно работавший на графоскопе, неоднократно менял позу, трогал и крутил ручки, наклонялся к экрану, стараясь рассмотреть графики и цифры. Нет, однозначно сказать, что своим поведением он что-то подсказал Бонне, нельзя. Но шанс, пусть небольшой, что инженер по каким-то признакам догадался об этом, оставался. Ведь смог же он пройти тест повторно без сучка и задоринки!

С другой стороны, как ему объяснял Блумберг, оба вопроса, на которых слегка споткнулся Бонне, и еще несколько шероховатостей сами по себе ничего не значат. Просто ответы на них не легли в общую логику предыдущих. Сам по себе каждый вопрос теста почти ничего не значил. Вся эта психodelия работала только в комплексе.

Ричард надолго задумался, потом запросил в архиве видеоматериал прошлого собеседования с Бонне пятилетней давности. Файл почти сразу упал к нему на МИППС. Сноу включил воспроизведение. Ничего особенного он не увидел, как ни старался. Единственное, на что он обратил внимание, так это на то, что Франсуа Бонне выглядел чуть помоложе, что понятно, и что настроение у него, не в пример нынешнему, было хорошее: он даже пытался шутить с довольно хмурыми операторами и постоянно улыбался.

«Все – тупик! – обреченно подумал Сноу. – Ничего не остается, как только лететь в командировку на Арктур. Здесь, на Земле, похоже, мы больше ничего не нароем».

Агент хотел связаться с Айво, но, посмотрев на свой атомный «ролекс», махнул рукой и запросил бронь на ближайший рейс субпространственника до Аркура. Расстояние до звезды составляло 37 световых лет. Время в пути – чуть больше двух недель. День на разгон

и нырок в подпространство, полет в подпространстве пятнадцать дней, выход и торможение еще один день. Корабль оснащен камерами анабиоза для пассажиров, то есть реально для него полет продлится всего несколько часов.

Парадокс субпространственных полетов, в отличие от субсветовых, подчинявшихся релятивистской теории Эйнштейна, заключался в том, что относительное время на корабле мало отличалось от времени, прошедшем в точках отправления и назначения. Если при полете со скоростью света, недели, проведенные астронавтами в корабле, растягивались на Земле на длинные годы, то при полете в подпространстве, наоборот, та же неделя составляла день-два в месте старта. Именно поэтому большинство пассажиров предпочитали во время межзвездных перелетов погружаться в анабиоз.

Через несколько секунд пришло подтверждение на забронированное место. Сноу подумал и заказал еще один билет – для Блумберга. Нечего тут сидеть, пускай оторвет свою задницу от Земли и слетает на Арктур – альфу Волопаса!

Определившись таким образом, он прошел в ванную комнату и встал под приятный ионно-дисперсный душ, который всегда действовал на него умиротворяюще.

Через десять минут он прошел к себе в спальню и с удовольствием растянулся на прохладной простыне. Посмотрев на часы, он приказал электронному мозгу дома, или Элму, как фамильярно он привык его называть, разбудить его в семь тридцать утра и глубоко заснул.

Глава 3

– Ну ты даешь! Хоть бы предупредил заранее, я уж не говорю о том, чтобы спросить, могу ли я сейчас лететь на Арктур! – обиженно выговорил Ричарду начальник научного отдела, едва появившись в кабинете специального агента.

– Не передергивай, Айво! Я только забронировал билет, больше никаких действий не предпринимал, а прямо с утра позвонил тебе.

– Все равно, – пробурчал Блумберг, – непорядок. Предупреждать надо.

– Хорошо, в следующий раз я тебе позвоню в четыре часа утра. Идет?

– Нет, не идет. В следующий раз будь любезен генерировать свои гениальные идеи в рабочее время, как это делают все нормальные люди.

– Хорошо, я постараюсь. Ну, так ты сможешь или нет?

Айво, сидевший у рабочего стола Ричарда, зачем-то одернул условно-белый халат весь в пятнах от химикалий и пролитого кофе и ответил:

– Точно не знаю, надо посмотреть график.

– Ну, вот и посмотри. Рейс завтра в полдень. Кстати, ты не подумал, кто нам может помочь из твоих технарей? У тебя же есть толковые ребята?

– Ричи, у меня в отделе всего двадцать восемь человек, все толковые, но нет специалистов по строительству космоверфей!

– Плохо, что нет, нам бы помощь знающего человека не помешала.

– Попросим кого-нибудь помочь на месте. Я направлю депешу в наше отделение, – вздохнул Блумберг и встал. – Все, пошел. Надо дела заместителю передать и вещички собрать. Дон Кимуре ты, надеюсь, сам все доложишь.

– Нет, депешу на Арктур сам не направляй. Напиши черновик, я подправлю. Думается мне, что нам ни к чему особенно афишировать истинные причины нашего интереса к космоверфи, – предостерег Ричи. – А директору, конечно, доложу.

– Конспиратор...

Блумберг взял со стола МИППС и, махнув на прощание рукой, вышел из кабинета. Когда за ним бесшумно задвинулась пневматическая дверь, Ричард набрал на своем МИППСе номер Арктурианской транспортной компании АТК:

– Здравствуйте, заказ на имя Ричарда Сноу Земля-Арктур-3-Земля на 20 июля с открытой обратной датой подтверждаю. Оплата будет проведена в течение одного часа КОНОКО-Мом.

– Спасибо, мистер Сноу, что выбрали нашу компанию. По получении оплаты, два места первого класса на рейс 367 Земля-Арктур будут за вами зарезервированы. Пропуском на корабль служит ваша индивидуальная планетарная единая карточка ИПЕК, данные которой будут введены в компьютер спейсфлаера. Старт корабля завтра в двенадцать ноль пять пополудни из космопорта Шарль де Голль.

Все это происходило чуть больше трех недель назад на Земле. А теперь Ричард стоял в плавках на балконе пятизвездочного отеля и с удовольствием потягивался, подставив сильное загорелое тело под мощные красноватые лучи гигантского Арктура, занимавшего едва ли не пятую часть светло-фиолетового неба. С тридцатого этажа открывался изумительный вид на основной город колонии – Бриз и живописное, сильно изрезанное побережье океана. Планета называлась Архипелаг, и 90 % ее поверхности были покрыты мощным слоем изумрудно-зеленого океана. Глубина его в некоторых местах доходила до тридцати километров, и штормы здесь бывали нешуточные. Поэтому в полутора километрах от каменисто-песчаного берега малахит воды рассекала извилистая линия высокого и длинного волнореза, традиционно заканчивающегося небольшим маяком. Маяк выглядел архаично на фоне совре-

менных водных глайдеров, снабженных спутниковыми навигационными системами, но зато придавал порту некоторый винтажный шарм. Морской порт казался совсем небольшим и предназначался, скорее, для частных прогулочных яхт колонистов.

В космопорту их с Айво встретил заместитель начальника Арктурианского секторального отделения КОНОКОМа лейтенант Гебриэл Найт и сопроводил в гостиницу. Попрощавшись, он сказал, что назавтра заскочит за ними в полвосьмого утра по местному времени.

Ричи посмотрел на атомный «ролекс»: шесть тридцать утра. Пора окунуться в бассейн и – на завтрак. Он подошел к ребру здания, проходящему рядом с балконом, и шагнул в остановившийся рядом стеклянный цилиндр. Практически невидимая конструкция быстро заскользила вдоль стены отеля к голубеющему внизу бассейну.

С удовольствием поплавав в прохладной воде, он с некоторым сожалением вышел из бассейна и поднялся к себе в номер. На соседнем балконе показалась всклокоченная голова его напарника. Тот, как всегда, встал в последний момент и еще толком не успел проснуться. Судя по мокрой шевелюре, он успел побывать в душе, но это не вывело его из полусонного состояния.

– Проснись, Айвенго! За две недели не выспался, что ли? – поприветствовал его Ричи. – Сейчас на завтрак двинем!

Блумберг пригладил волосы и просонным хриплым голосом предложил:

– А, может, сюда закажем?

Ричард не стал с ним спорить, и вскоре они сидели в номере Айво на балконе за небольшим столиком и уминали яичницу с беконом и теплые круассаны с кофе.

– Ты обратил внимание на девушку, которая нас обслужила? – спросил Ричи.

– Нифехо осохенного, – с набитым ртом ответил швед.

– Я не об этом. Просто странно, что здесь в сфере обслуживания заняты люди, а не дроиды, – сказал Ричард.

– У них есть закон, согласно которому в гостиничном обслуживании запрещено использование дроидов, – проглотив кусок круассана, пояснил Айво. – Мог бы повнимательнее ознакомиться с туристическими проспектами, там это есть.

– Еще я буду читать какие-то идиотские пиар-пакеты, – поморщился Сноу. – Лучше скажи, почему дроиды запрещены.

– Не помню точно, но несколько лет назад в одной из гостиниц из-за дроида произошел несчастный случай...

– Несчастный случай?

– Да, пострадали люди. После этого местное правительство и приняло закон.

– Сильно пострадали? – спросил Ричард. – И что произошло?

Айво замер с чашкой у рта:

– Что я, помню, что ли? Зачем тебе это, Ричи?

– Не знаю, просто интересно. Из-за какого-то мелкого инцидента приняли целый закон... Удивительно.

– В дальнем внесемелье еще и не такое бывает, – заметил Блумберг и поставил пустую чашку на столик. – Хотя почему мелкий? Я точно не помню, но, кажется в тот раз кто-то даже погиб.

– Да, согласен – дальнее внесемелье сильно отличается от Земли, – вздохнул Сноу. – Пошли вниз? Сейчас и Найт подойдет.

Лейтенант, действительно, уже ждал их в просторном холле гостиницы на нулевом этаже. Его невысокая фигура в немного мешковато сидевшей конокомовской форме виднелась среди ряда огромных кадок с голубоватыми арктурианскими растениями, отдаленно напоминающими земные фикусы.

– Здравствуйте, – приветливо улыбнулся землянам Найт, вышагивая из зарослей и протягивая руку. – Майор ждет вас в офисе.

– Добрый день. Мы готовы, – ответил Айво, пожимая теплую ладонь арктурианца.

– Тогда прошу, – Гебриэл Найт махнул рукой в сторону выхода. – Флаер под парами!

Начальник сектора майор Гвидо Санчес оказался человеком лет пятидесяти, невысоким и с заметным брюшком. Его смуглое широкое лицо мексиканского крестьянина и прищуренные глаза не очень гармонировали с формой КОНОКОМа, но весь его облик излучал симпатию и доброжелательность.

– Рад приветствовать вас, господа, на Арктуре в Бризе. Присаживайтесь, прошу вас. Как устроились?..

Через пять минут, исчерпав протокольный запас вопросов о погоде, гостинице, местных курортах и последних событиях на Земле, собеседники, отставив чашки с чаем и кофе, перешли непосредственно к делу.

– Я получил депешу, которую вы направили перед отлетом, и приготовил все, о чем вы в ней просите. Помимо этого, вам что-нибудь нужно?

– Да, – ответил Сноу. – Вы лично... Кстати, ваш кабинет экранирован?

– Конечно, – улыбнулся Санчес, и его глаза превратились в совсем узкие щелочки. – Вы, наверное, думаете, что мы тут расслабились и отдыхаем? Как бы не так: космоверфь налагает повышенные требования, и мы им следуем.

– Ничуть не сомневаюсь в вашей бдительности. Скажите, вы лично знаете инженера Бонне?

Начальник сектора на секунду задумался и бросил взгляд на своего заместителя:

– Не так, чтобы близко, но – да, знаком.

– Что это за человек?

– А что вас интересует?

– Да все! Характер, привычки, склонности, друзья...

Майор вздохнул:

– Насчет друзей – самый простой вопрос. Он мало с кем общается. Я имею в виду здесь, в Бризе. Что касается самой космоверфи, которая, как вы, наверное, знаете, расположена в поясе астероидов Эвридика, тут могу говорить лишь со ссылкой на офицера безопасности верфи Андрея Волкова. В его рапортах Бонне характеризуется как нелюдимый, замкнутый человек. Практически все его контакты ограничиваются работой.

«А на предпоследнем психотесте вел себя общительно и даже шутил с операторами графоскопа», – про себя подумал Сноу, а вслух произнес:

– Неужели кроме работы он ничем не интересовался? Женщинами, музыкой, театром, ну... я не знаю еще чем.

– Театром! – засмеялся Санчес. – Скажете тоже! Театр драмы у нас тут один на все сотысячное население Бриза.

– Так он ходил в театр? – уточнил Сноу.

– Нет... В смысле не могу знать. Контроль за Бонне установлен всего два месяца назад. За это время он театр не посещал.

– А раньше?

– Неизвестно.

– Как это неизвестно? – удивился Айво. – Ведь можно поднять сведения о проданных ранее билетах!

– Нет, господин Блумберг, нельзя! Сведения о проданных билетах хранятся не более трех месяцев и стираются из памяти автоматической кассы театра. К тому же люди не всегда покупают билеты на свое имя.

– Понятно, – почесал затылок Сноу. – Ладно, а как с женщинами?

– Никак.

– Что – никак?

– За время контроля никаких связей с женщинами у него не замечено. По крайней мере, устойчивых. Что касается более раннего периода, то сказать определенно очень трудно. Но слухов и сплетен на эту тему никто не припоминает.

Возникла минутная пауза.

– Ладно. Что еще можете сказать, господин майор?

– Думаю, что вам лучше обо всем расскажет офицер безопасности космоверфи Андрей Волков. Все-таки Бонне почти все время находится там, а здесь появляется очень редко...

– Понятно. Ну что ж, тогда мы, пожалуй, пойдем. Вот, еще вопрос. Как нам удобнее добраться до пояса Эвридики?

– Никаких проблем, господин Сноу. Мой спейсфлаер в вашем распоряжении, пилот предупрежден. Стартовать можете хоть сейчас, – Санчес смутился, поняв, что его реплика прозвучала, как желание поскорее избавиться от посетителей.

– Отлично, господин майор, – стер неловкость Сноу. – Прямо сейчас и отправимся, только в гостиницу заскочим за самым необходимым!

– Сюзанна, проводи гостей! – вызвал симпатичную секретаршу Санчес. – Господин Сноу, я всегда на связи и готов к содействию.

– Спасибо, майор!

Гости с Земли покинули кабинет в сопровождении секретарши и Найта. Санчес долго стоял у двери, провожая их глазами до того момента, пока они не скрылись в лифте, потом закрыл дверь и отошел к широкому окну во всю стену. Постояв немного, любуясь с девятнадцатого этажа открывающимся на изрезанную бухту Бриза видом, он вернулся за стол и взял в руки оживший МИППС:

– Здравствуй, Елена. Слушаю тебя.

* * *

– Господин Найт, – обратился к сопровождающему Блумберг, когда все трое зашли в главный холл гостиницы, – а что нам туда брать надо? Все, что привезли с Земли, или?..

– Как хотите, господин Блумберг. На космоверфи, правда, гостиница совсем не такого класса, как эта, но жить вполне можно, так что решайте сами. В любом случае номера здесь, в гостинице «Арктур-Плаза», для вас забронированы на всю неделю.

– На неделю? А если...

– Если потребуется – продлим заказ, не волнуйтесь, – упредил вопрос Найт и улыбнулся. – Сейчас хоть и сезон, такие гости, как вы, нас нечасто балуют своим присутствием.

Спустя полтора часа Сноу и Блумберг устраивались в глубоких ложементх межпланетного спейсфлаера КОНОКОМа «Викинг». В пассажирскую кабину, рассчитанную на десять человек, заглянул штурман, поздоровался, удостоверился, что все в порядке, и плотно закрыл за собой дверь отсека. Полет должен продлиться три часа, и Сноу надел на глаза очки МИППСа, погрузившись в изучение материалов, которые им передал Санчес. Айво же воспользовался моментом и быстро закемарил, укрывшись легким пледом.

Знаменитая Арктурианская космоверфь располагалась на нескольких астероидах пояса Эвридики, окружающего планету Архипелаг. Большинство астероидов представляли собой булыжники размером от нескольких сантиметров до 1–2 метров, но встречались и очень крупные обломки. В свое время их подтянули друг к другу, соединили длинными герметичными трубами-переходами и начали строить космоверфь. Сначала все титаническое сооружение имело форму треугольника с огромными астероидами в вершинах и со стороны в пять километров. Потом, на этапе модернизации верфи, подтянули еще один крупный

астероид и расположили так, что вся конструкция стала правильной пирамидой. Четвертой вершиной космического тетраэдра как раз и стал последний, самый современный док, который достраивался по чертежам Франсуа Бонне. Астероиды переконфигурировали, и они стали представлять собой правильные многоугольники – три октаэдра и один додекаэдр. Мириады осветительных ламп превращали всю эту орбитальную канитель в миниатюрную новогоднюю гирлянду, подвешенную в небе неизвестным великаном и видимую с поверхности планеты ночью невооруженным глазом. Арктурианская космоверфь являлась, пожалуй, самым крупным астроинженерным проектом, который люди смогли воплотить в жизнь. Со стапелей верфи ежегодно сходило до двадцати кораблей-субпространственников малого, среднего и большого классов. Здесь же выполнялись заказы земного оборонного ведомства, поэтому вся зона вокруг круглосуточно контролировалась космическим охотником среднего класса и сканировалась военными радарам с поверхности планеты. Проход и пребывание на верфи требовали особого документа, который выдавался под контролем Арктурианского секторального отделения КОНОКОМа.

На космоверфи постоянно работало около пяти тысяч человек. Примерно сто человек составляли ежедневную текучку Тетраэдра. Это командированные инженеры, приемщики, бухгалтеры и эксперты компаний, заказывающих и покупающих субпространственники. Для этих целей построили небольшую гостиницу, в которой и предстояло жить Сноу и Блумбергу.

Незаметно для самого себя Ричард, просматривая файлы документов по космоверфи и работы на ней Бонне, последовал примеру Айво и заснул.

Спейсфлаер вышел на орбиту, скорректировал курс и начал разгон в сторону пояса Эвридики. Кораблю предстояло сделать несколько витков вокруг материнской планеты Архипелаг, постепенно карабкаясь на все более высокую орбиту, а затем сделать рывок по баллистической траектории. Космоверфь находилась на высоте в двадцать тысяч километров над поверхностью.

Если бы два человека, безмятежно спящие в креслах крохотного корабля, знали, какие феерические события готовит им будущее, они постарались бы как-нибудь к этому подготовиться, но все равно их старания остались бы втуне. События, неотвратимо надвигающиеся на планету Архипелаг, превосходили всякое человеческое понимание, не вмещались в стандартные рамки привычного горизонта событий...

Глава 4

Легкий резкий толчок дал понять, что «Викинг» причалил к одному из астероидов. Спустя минуту открылась дверца в пилотскую кабину, и оттуда высунулась голова штурмана:

– Господа, причалили. Минут через пять можно выходить, готовьтесь. Вас уже встречают.

Голова исчезла. Сноу расстегнул ремни безопасности и выпрямился в кресле. Блумберг продолжал спать как ни в чем ни бывало. Ричард толкнул его локтем:

– Эй, ангел в отпуске! Просыпайся, конечная станция, просьба приготовить билеты и освободить вагоны.

Айво разлепил глаза и сразу стал их тереть и неудержимо зевать:

– Что за жизнь? Только заснешь – сразу будят.

– Вставай-вставай! – усмехнулся Ричард, поднимаясь и доставая свой саквояж из багажного паза. – Все на свете проспишь! Тут такая красотища в иллюминаторах проплывала.

Айво сразу изменил тон:

– А что ж не разбудил, эгоцентрист? Задние тоже хотят посмотреть.

– Ничего, успеешь еще, ценитель прекрасного. Чувствую, мы здесь не на один день застрянем.

В переходном тамбуре раздалось характерное чмоканье и шип – это отлепились вакуумные присоски входного люка. Почти сразу в пассажирский салон зашел невысокий светловолосый крепыш в форме КОНОКОМа.

– Начальник службы безопасности Тетраэдра капитан Андрей Волков.

– Здравствуйте, капитан Волков, – Ричи и Айво пожали блондину руку. – А у вас это хозяйство Тетраэдром называется?

От внимания Сноу не укралось, что капитан слегка смутился:

– Да это... повелось еще с тех времен, когда только три астероида подтянули друг к другу. Раньше Треугольником называли, теперь, как вы сами, наверное, убедились, Треугольник превратился в пирамиду или тетраэдр, и название изменилось. Хотя... многие старожилы до сих пор Треугольником называют. Господин Сноу, я в вашем распоряжении!

Офицер замолчал, ожидая инструкций.

– Искусственная гравитация здесь – одна десятая от земной, так что старайтесь рассчитывать движения, – посоветовал он, глядя на неуклюжие усилия Айво достать свой саквояж с верхней полки. Попытка приподнять его привела к тому, что Блумберг сам плавно оторвался от пола и потерял опору. Ричард положил руку на плечо напарника и без труда вернул незадачливого начальника отдела на пол.

– Держите, – что-то протянул им Волков.

– Что это? – спросил Айво, смешно вытянув шею, пытаясь через плечо Ричи разглядеть то, что лежало на ладони офицера безопасности.

– Магнитные липучки на подошвы ботинок. С ними будете чувствовать себя увереннее, пока не привыкнете.

– Вы так говорите, капитан, будто мы сюда как минимум на месяц приехали, – усмехнулся Сноу, прикрепляя тонкие металлические диски к ботинкам.

– Как знать, – загадочно ответил русский. – Как знать...

Выбравшись из спейсфлаера и пройдя по причальному гибкому переходу, кокономцы оказались в большом зале и с интересом огляделись. Помещение было вырублено в теле астероида, впрочем, как и все другие комнаты, лаборатории и цехи. В грубо обрабо-

таннные каменные стены тут и там вбиты поручни, лампы освещения, прикреплены силовые кабели и многое другое. Из зала начинались несколько туннелей, ведущих в глубь астероида. Пол полностью покрыт металлом. Блумберг, забавно цокая магнитными липучками, подошел к стене и погладил холодный темно-красный с черными прожилками камень. Потом оглянулся на Волкова:

– Гранит Нью Империял, я не ошибаюсь?

– Да, верно, – несколько озадаченно ответил офицер и с уважением посмотрел на Блумберга. – По составу очень близок к земному, да и по цвету очень похож. А вы что же, разбираетесь в минералогии? Геолог?

– Немного разбираюсь. Я, например, знаю, что астероиды, составляющие искусственный Тетраэдр космоверфи, состоят из гранита, мрамора, базальта и пирита. Верно?

– Да. Все они разного цвета, отсюда и названия камешков – красный, белый, серый и черный...

– А черный – это пирит, который и завершил построение всей пирамиды?

– Совершенно верно...

– Коллеги, мы сюда минералогией приехали заниматься или как? – подал голос стоявший в сторонке Сноу.

– Или как... – пробормотал Айво, отворачиваясь от каменной стены и взглянув на Волкова. – Куда нам теперь, капитан?

Начальник безопасности достал свой МИППС и набрал на дисплее команду. Почти сразу из ближайшего туннеля вынырнул шестиместный экипаж, больше похожий на вагончик на американских горках. Двигался он на магнитной подушке в нескольких миллиметрах от поверхности. Если присмотреться, то на полу можно заметить линии несущих магнитных полос, которые выделялись на сером фоне синеватым оттенком. На борту экипажа синела надпись: МГА-64.

– МГА? – спросил Айво, залезая в вагончик.

– Моногравитационный аппарат, сокращенно – МГА, – пояснил капитан.

Путешествие по коридорам астероида не заняло много времени. Через десять минут они высаживались у скромного входа в местную гостиницу для командированных специалистов. Над входом на полированном граните красовалась гравировка большими объемными буквами: «Отель Трапедия».

– Почему «Трапедия»? – тут же опять задал вопрос любознательный Блумберг.

Волков развел руками:

– Тривиальная ошибка. То ли хозяин гостиницы что напутал, то ли гравер лукавит, но в заказе вместо «Тетраэдр» написали «Трапедия», а переделывать никто не стал. Так и значится гостиница по учредительным документам «Тетраэдр», а по вывеске «Трапедия». Это местная байка.

– И это в самом сердце инженерной мысли, которая должна дружить с геометрией! – вздохнул Айво и рывком скинул саквояж на плечо. – Евклиды!

Саквояж плавно влетел в потолок, разбил лампу и вместе с осколками медленно опустился вниз.

– Извините... – пробормотал смущенный швед, заметив удивленно подскочившую бровь метрдотеля и стряхивая с комбинезона стеклянные крошки.

Проводив Ричарда и Айво в номера, больше похожие на пеналы, Волков несколько замялся в дверях и спросил:

– Господин Сноу, какие у вас планы дальше?

Ричард несколько удивился:

– Капитан, я думал, вы уже продумали алгоритм нашего здесь пребывания... Ну да ладно. Для начала нам надо просто побеседовать. Где это можно сделать?

– Можно у меня в кабинете, хоть там и тесновато, а можно и в ресторане, он здесь, рядом.

– Давайте у вас, – решил Ричард и посмотрел на часы, – через пятнадцать минут. И ушей поменьше будет.

– Тогда я вас подожду у стойки администратора. Без меня вы сами не найдете.

Русский вышел в коридор и закрыл за собой дверь.

Волков уселся за свой рабочий стол, Ричард и Айво на стулья для посетителей. Кабинет начальника безопасности оказался мал, тесен и неудобен. Тем не менее вся троица кое-как уместилась в помещении, больше похожем на стенной шкаф, чем на кабинет официального представителя КОНОКОМА.

– Капитан, вы здесь один командуете? А где же представитель АНБ?

– Вот уже почти два года, как место представителя Агентства по наблюдению и безопасности вакантно. Не берусь судить почему, но проработавший здесь с десятков лет полковник Сэм Бридж вышел в отставку и улетел то ли на Фомальгаут, то ли на Сириус, где у него какие-то родные есть, точно не знаю. Он, как положено, проставился перед увольнением... Кстати, на этом мероприятии присутствовал и Бонне!

– Мы к этому еще вернемся, – заметил Сноу.

– А что к этому возвращаться? – пожал плечами Волков. – Я только видел, как инженер попрощался с полковником, когда уходил с мероприятия.

– Я имею в виду Бриджа и его отъезд. Ладно. Если я хорошо помню ваш послужной список, то начальником безопасности космоверфи вы работаете около года?

– Так точно, – по-военному ответил Волков. – Я окончил...

– Стоп, капитан, я же сказал, что знаю ваш трудовой путь. Давайте, все-таки к Бонне поближе. Как вы с ним познакомились, какие у вас с ним взаимоотношения, изменился ли он за последнее время. Ну же!

– Понял, докладываю. Прибыл я сюда в 2274 году с лунной базы «Коперник». Дело в том, что мой предшественник, подполковник Тор Гиллиам, серьезно заболел, и меня командировали на Арктур в пожарном порядке. Пришлось собраться и завершить все дела на Луне и Земле буквально за несколько дней. Когда я прилетел сюда, то никаких дел Гиллиам мне передать не успел – я застал его уже в коме в клинике Бриза. Там он и скончался вскоре, не приходя в сознание. Жаль, говорят, толковый человек и по характеру хороший, только замкнутый. Родственников у него никаких не оказалось, жена погибла, а приемный сын пропал без вести в какой-то внеземельной экспедиции. Так что похоронили подполковника здесь же на кладбище Бриза рядом с супругой.

– Диагноз?

– Какое-то редкое заболевание крови.

– Недвижимость или вещи какие от него остались? – скорее, машинально, чем ожидая услышать конструктивные ответы, спрашивал Сноу.

– Да, небольшой домик с участком на окраине Бриза, за неимением наследников, отошел колонии. Была еще квартира в городе.

– Выморочное имущество, – поморщился Блумберг.

– А какие-нибудь дневники, записи его сохранились?

– Даже не знаю. Я как узнал о его смерти – собрал все более или менее ценное в кабинете и отнес... – Волков на секунду задумался. – Да, на склад № 3. Наверное, все так там и лежит до сих пор, я же опечатал коробку своей личной печатью, вряд ли кто ее решится сломать, а родственников, как я сказал, у него нет.

– Понятно, вам дела не передали. А Бридж что же? Молодому, только прибывшему сотруднику дружественной организации не дал бесплатных уроков?

– Кое-что объяснил, но очень схематично и поверхностно. Разрешите вопрос, господин Сноу?

– Конечно.

– Вы меня так допрашиваете, будто я в чем-то...

– Стоп! – поднял руку Ричард, останавливая Волкова. – Стоп. Я не допрашиваю, а беседую. Беседую, понимаете, капитан? Дело очень щекотливое, не мне вам объяснять, и мы не можем вот так взять и запросто допросить Бонне. Будет крупный скандал. Поэтому я... мы собираем материалы и факты по крупицам, аккуратно и беседовать будем не только с вами, но и со многими сотрудниками верфи. Вернее, беседовать больше придется вам. Вы же знакомы с официальной версией нашей с Блумбергом командировки сюда – «проверка состояния общей безопасности на объекте». Вот и придется нам с вами поддерживать эту легенду среди астероидных аборигенов.

– Их-то мы обманем, а вот Бонне ваш приезд насторожит, – ответил начальник безопасности.

– Это, если он в чем-то виноват. А если нет, то ему и беспокоиться нечего, – развел руками Сноу. – Но мы будем учитывать этот факт.

– Даже предположив, что он ни в чем не виноват, думаю, мысли непростые его одолевают, – твердо глядя прямо в глаза Сноу, произнес Волков. – И это может сподвигнуть его на неординарные действия.

– Как-как? Какие действия? Неординарные? Хм... – переспросил и задумался Ричи. – Знаете, а в этом что-то есть. Действительно, даже в случае чистой совести, человек не может не нервничать по поводу двойной проверки, которой мы, ну не мы с вами – другие, но все же его подвергли, в чем-то подозревая. Получается, что и в случае невиновности, и в случае виновности Бонне может вести себя... как бы это сказать... не вполне адекватно. Молодец, капитан, правильно подметили!

– Есть небольшое уточнение, – подал голос начальник научного отдела.

– Да? – повернули к нему головы Сноу и Волков.

– Если он что-то скрывает, то будет вести себя предельно обыденно. И наоборот – если чист, то будет нервничать.

– Это почему же, позвольте узнать? – вскинулся Ричард.

– Очень просто. Если это, не дай бог, тот, о ком мы думаем, но не говорим вслух... – многозначительно протянул Айво.

– Извините, не вполне понял, – выпрямился в кресле русский.

Ричард молча, не мигая, смотрел на Блумберга.

– Если он... чужой.

– Чужой? – выдохнул Волков. – Инопланетянин?

– А чем, по-вашему, занимается КОНОКОМ – Контактная Объединенная Комиссия Земли? Контактom, а не тривиальными разборками между компаниями, фирмами или отдельными гражданами! Вся эта мишура – удел АНБ, – непривычно жестко отрезал Айво.

Явно удивленный, капитан молчал. Сноу повертел в руках МИППС, потом положил его на стол.

– Да, конечно, резонно. Ничего не могу возразить. Старый лис Дон Кимура, похоже, с самого начала имел в виду именно эту версию, потому нам с тобой и поручил дело Бонне.

В кабинете на несколько минут воцарилась тишина. Наконец, Блумберг заговорил:

– Я могу продолжить? Так вот, если он внеземельник, чужак, то, учитывая, как он лихо справился со вторым тестом, ошибок от него больше ждать не приходится.

– Минуточку, а первый проваленный тест на что спишем? – спросил Ричи. – На мучивший его насморк и общее недомогание?

– На неожиданность. Сработал фактор внезапности, хоть этого никто и не добивался. Получилось случайно.

– Подождите, подождите, я перестаю что-либо понимать, – взмолился Волков, видимо, до сих пор не переваривший слова Блумберга о чужом.

Ричард и Айво переглянулись.

– Вас что, совсем не ввели в курс дела?

– Только в общих чертах. Знаю, что установлено страховочное негласное наблюдение за Бонне в связи с возможной утечкой информации к конкурирующим компаниям...

– Конкурирующим компаниям? – переспросил Ричард. – Это каким?

– Ну да. Речь шла о компании «Спейсбилдинг», которая занята на строительстве космоверфи на Фомальгауте, и группе «Эндрю энд Неш хай-тек ресерч», подписавшей недавно контракт с администрацией Сириуса на модернизацию их верфи. Ходили слухи, что и Лунная космоверфь...

– Понятно, понятно, – перебил его Айво. – А ваш подрядчик...

– «Инфинити инкорпорейтед», – подсказал капитан.

– Ваш «Инфинити инкорпорейтед» сурово блюдет коммерческую и техническую тайну. Примерно так?

– Да, господин Блумберг.

– А теперь, капитан, внимайте. Два с небольшим месяца назад... – начал рассказ Айво.

Волков внимательно слушал его, изредка вставляя реплики «да, это знаю», «говорили», «читал рапорт». Когда Блумберг замолчал, Волков потер пальцами виски и сказал:

– Вот теперь мне более или менее понятно, чем мы будем заниматься.

– Имейте в виду, что информация грифованная, в дело посвящены считанные люди, – уточнил Ричард.

– Ясно, – кивнул начальник безопасности и вздохнул.

– Капитан, нам хотелось бы осмотреть всю верфь...

– Всю?

– ...чтобы иметь хоть самое общее представление об этом сооружении. Было бы неплохо, чтобы нас сопровождал опытный гид.

– Гидов тут у нас, конечно, нет, но вот кого-нибудь из инженерной службы я вам сейчас найду.

С этими словами Волков набрал на МИППСе номер и, когда на экране появилось изображение, заговорил:

– Привет, Барбара. У меня неприятности.

– Что у тебя опять случилось, Андрей?

– Комиссия по безопасности из Центра нагрянула.

– И что?

– Как – что? Выручай.

– Господи, ну что тебе от меня нужно?

– Барбара, прошу тебя, прогуляйся с ними по Тетраэдру, расскажи, что да как. Захотят посмотреть снаружи – облети с ними на ремонтном боте вокруг.

– Андрей, ты что думаешь, у меня других дел нет, что ли?

– Барбара, умоляю, сделаю для тебя все, что захочешь.

– Сделаешь, сделаешь. Ладно, приводи свою комиссию. Жду через полчаса.

Барбара оказалась невысокой молодой тридцатилетней женщиной с веснушчатым лицом, рыжими волосами и немного по-мальчишески угловатой фигурой. Одета, как и большинство сотрудников верфи, в удобный синий комбинезон с шевроном «Барбара ЛОИК. Арктурианская космоверфь. Инфинити инкорпорейтед. Инженерный состав». Серые глаза пытливо разглядывали стоявших перед ней Ричарда и Айво.

– Меня зовут Барбара Лоик, я старший инженер смены, – немного резким голосом сказала женщина – Значит, хотите ознакомиться с работой космоверфи? Хорошо. Времени у меня на вас не очень много, поэтому не обессудьте – все будем делать быстро и нигде надолго не задерживаясь.

Глава 5

Трехчасовая экскурсия по Тетраэдру пролетела на удивление незаметно. То, что увидели Сноу и Блумберг, передвигаясь внутри астероидов и соединительных туннелей на некачественном местном магнитном транспорте, оказалось удивительным и захватывало дух.

Огромные залы, вырубленные в теле астероидов, и оборудованные под сборочные цеха различных приборов и агрегатов, поражали воображение. Насколько смогли понять Ричард и Айво, до пятидесяти процентов всей «начинки» субпространственников собиралось именно здесь. Сюда же поставлялись комплектующие, производимые на предприятиях Земли, Фомальгаута, Бетельгейзе. В мрачно-готических пещерах каменных астероидов работали десятки, сотни, а то и тысячи рабочих, специалистов и инженеров.

Особенно впечатляли частично прозрачные металлические пятикилометровые трубы, соединяющие астероиды. Эти трубы назывались почему-то опорами и выполняли функцию доков, где и происходила сборка кораблей, ошвартованных снаружи. Сквозь прозрачные толстенные армированные стекла можно было наблюдать за работой космических монтажников в вакууме. На уже загерметизированные корабли они могли бы пройти без скафандра через шлюз, коих здесь имелось великое множество. В среднем к каждой опоре, а у Тетраэдра их, как известно, шесть, пришвартовано три-четыре корабля в разной стадии сборки. Везде кипела размеренная, четко налаженная работа.

В одной из опор Ричард попросил остановить гравипоезд и подошел к огромному панорамному иллюминатору. К нему присоединился Айво. От открывшейся за толстым сапфировым стеклом картины циклопического сооружения захватывало дух. Сзади к ним подошла Лоик:

– Вы сейчас видите так называемый «иннерспейс» – условное внутреннее пространство Тетраэдра. Но скоро все это превратится в реальный внутренний дворик верфи. По проекту Франсуа Бонне заканчивается установка и монтаж «плазменного окна» с использованием углеродных фемтотрубок. При помощи этого защитного экрана мы сможем заполнять внутреннее пространство любым газом в необходимой концентрации и нужного нам состава.

– Да, интересно, конечно...

– Интересно?! – вскинулась Лоик. – Вы даже представить себе не можете, насколько это решение... революционно!

– Понятно, понятно – одна сварка в вакууме, другая – в атмосфере...

– Если бы только это! – пафосно воскликнула Барбара. – Можно будет работать без скафандров, завершать внутреннее оборудование не устанавливая временных гермотамбуров и прочих неудобных приспособлений. Налицо все преимущества сборки на поверхности планеты, плюс отсутствие тяжести. Ну и, кроме всего этого, мы получим возможность проводить некоторые эксперименты, которые запланировал наш главный инженер.

Лоик победно и несколько высокомерно смотрела на немного озадаченных таким энергичным напором конокомовцев.

– А вы, оказывается, большой патриот космоверфи и лично...

Айво клацнул зубами от увесистого тычка в бок.

– Действительно, великолепная находка! А на других космоверфях, наверное, и близко ничего подобного нет? – принужденно улыбаясь, выпалил первое, что пришло в голову, Ричи и еще раз незаметно, но ощутимо пихнул Блумберга.

– Куда им! У них ведь нет Франсуа! – Лоик бросила быстрый взгляд своих серых глаз на поморщившегося Айво.

– А на это изобретение Бонне оформил патент? А не то конкуренты...

– Да, тут вы правы, господин Сноу. Я сейчас как раз и занимаюсь оформлением всех необходимых для этого документов. Муторное дело – но ничего не попишешь! Самому Бонне некогда заниматься бумажной бюрократией, он же творец, архитектор космоверфи!

Ричард опять посмотрел в окно:

– Впечатляет...

– И не только вид верфи. Мы собираем самые современные корабли. Взять хотя бы суперкрейсер «Фернан Магеллан» – равного ему нет во всем Космофлоте!

– Госпожа Лоик, а не покажете ли нам кабинеты и лаборатории научно-инженерного состава. Хотелось бы посмотреть, как бьется творческая пытливая мысль, так сказать.

Лоик посмотрела на наручные часы. Ричард успел заметить, что часы она носит мужской модели спортивного типа. На большом черном циферблате ярко светились зеленым изумрудом стрелки.

– Не возражаю, только недолго, а то у меня еще масса дел сегодня! Садимся на МГА, нам придется ехать до Пирита. Это из-за его состава так называется последний из пристыкованных к космоверфи астероидов, – пояснила она.

– Да, капитан нам уже рассказывал об этом.

Лоик промолчала и ввела на пульте МГА маршрут следования. Аппарат плавно двинулся с места и, разгоняясь, полетел по длинной, почти бесконечной и местами прозрачной трубе, соединяющей вершины гигантского космического тетраэдра.

Скорость движения не превышала 40–50 километров в час, но этого оказалось достаточно, чтобы минут через пять МГА плавно затормозил внутри огромного, высеченного в черном, искрящемся пиритом зале. Огромное количество всевозможных механизмов, приспособлений, переплетение причудливо изогнутых труб, полумрак, царивший здесь, создавали нереальную готическую картинку в духе романа Мери Шелли «Франкенштейн».

– Это центральный зал, или, как его многие называют Лабораторный пузырь. Тут, как вы можете видеть, масса приборов и аппаратуры, около тридцати различных экспериментальных лабораторий...

– А где же кабинет вашего гения Бонне? – спросил Айво.

Барбара уловила легкую иронию в тоне Блумберга:

– Подсмеиваетесь? А зря – вам просто недоступно осознание масштаба его таланта и инженерного гения. И не обижайтесь – этим могут похвастать единицы.

– Вы, например, – с ударением ответил Айво.

– Например, – уже с некоторым вызовом произнесла Лоик и посмотрела на свои необычные спортивные часы. – О, я опаздываю! Извините!

Женщина проворно отошла от конокомовцев, села в МГА и уехала куда-то в темноту. Ричард повернулся к Блумбергу:

– Ну, и зачем ты ее разозлил? Лишил нас гида, а, главное возможного помощника. Теперь как бы врага не поймать.

– Без нее разберемся, – буркнул слегка пристыженный начальник научного отдела. – Не впервой.

– Это, конечно. Всем ты хорош, Айвенго, но вот к оперативной работе тебя надо допускать строго дозированно, – покачал головой Сноу.

– Я тебе что, препарат какой, чтоб меня дозировать? – сразу обиделся Айво. – Раскомандовался тут, в бок локтями тычет...

– Все, хватит. Поехали домой.

Ричард примирительно положил руку на плечо Блумберга и связался с Волковым. Тот назвал точный адрес, который надо ввести в МГА, и, главное, как его вызвать.

Через полчаса слегка освоившиеся на Тетраэдре конокомовцы входили в кабинет начальника безопасности.

- С пользой? – сразу спросил капитан.
- Да, интересная экскурсия, – ответил Ричард, – а еще более интересен гид...
- Барбара? На мой взгляд, ничего особенного...
- Я о характере и психике госпожи Лоик.
- И я о том же. Женщина, полностью погруженная в свою работу и не очень обращающая внимание на все остальное, – пожал плечами Волков.
- И влюбленная в нашего фигуранта... – Сноу закинул ногу на ногу и добавил: – Капитан, у вас расстроенное лицо, или я ошибаюсь?
- Нет, господин Сноу, не ошибаетесь.
- Так поведайте нам свои печали.
- Дело в том, что я решил изъять из хранилища записи своего предшественника Гиллиама и направился на склад. И, представляете...
- Все исчезло? – подался вперед Блумберг.
- Нет, вернее, да, исчезло, но не все. Пропали его личный МИППС со всеми записями и карточка-вездеход.
- Что значит – пропали? – удивился Ричард. – Украдены?
- Похоже на то. Моя печать на ячейке в целости и сохранности, все вещи на месте. Кроме коммуникатора и карточки. Вот, пожалуй, и все.
- А вы уверены, что они там были? – спросил Блумберг.
- Капитан молча достал из кармана, развернул и положил на стол голограммный листок, на котором светился заголовок «Опись личных вещей». Айво взял его в руки, прочитал несколько строк и посмотрел на Волкова:
- Понятно. А когда все это пропало?
- Не знаю, более того, совершенно не представляю, как такое вообще возможно.
- Печать у вас какая?
- Дактилоскопическая.
- Эх! И вы доверяете такой несовершенной печати важные вещдоки! – ахнул Ричи. – Очень самонадеянно с вашей стороны, капитан.
- Капитан слегка обиделся:
- Никто ж не ведал, что вещи Гиллиама станут вдруг вещдоками. Я и теперь не вполне уверен, что они нам могут помочь.
- Ладно. Теперь дело меня начинает интересовать по-настоящему, – заговорил Сноу. – Вот ведь Дон Кимура, черт его подери, сразу увидел что-то такое и заставил нас полететь сюда. И не зря, ох не зря!
- Подожди, Ричи. Надо выяснить, когда снималась личная блокировка капитана на ячейке, и все! Капитан, проверьте по компьютеру!
- Я проверял. Блокировка снималась вчера.
- Вчера?
- Русский молча кивнул головой.
- Сноу задумался, отстукивая пальцами по столу. Потом медленно произнес:
- Непонятно, зачем выкрадывать?... Ну... карточка – понятно. Видимо, человек не относится к высшему руководящему и инженерному составу верфи. Но коммуникатор...
- Как зачем? Значит, в электронном коммуникаторе записано что-то такое, что... что... – Блумберг замаялся, будучи не в состоянии закончить фразу.
- Ну, что там могло быть? – подковырнул его Сноу.
- Это... какие-нибудь фразы, факты или намеки на то, что Бонне...
- Ерунда, – бесцеремонно перебил его Ричард. – Если некто смог изъять коммуникатор из запертой ячейки, то с таким же успехом он мог стереть опасную для него информацию и

положить на место. Однако предпочел другой вариант, заведомо понимая, что мы хватимся пропажи.

– Могли бы и забыть... – тихо, себе под нос пробормотал Волков. – Вот запросто.

– Тоже верно! Но ведь не забыли же, капитан! Тут, похоже, дело в другом...

– В чем же? – Волков повернулся к кухонному комбайну. – Кофе или чай?

Через пару минут, обжигаясь горячим превосходным кофе, Сноу пояснил:

– Наш противник, если это вообще противник, демонстрирует нам пока чудеса психотренинга и мастерство медвежатника.

– Кого-кого? Медвежатника? – переспросил, не поняв, Волков.

Блумберг тоже выглядел несколько озадаченным.

– Так в давние времена называли специалистов по вскрытию сейфов, – оценивая произведенный эффект, ответил Ричард. – «История криминалистики» под редакцией Гийома Бертоле, том первый. Матчасть учить надо, коллеги!

– А ну тебя! – несколько раздраженно отмахнулся Блумберг. – Мы тут о серьезных вещах, а он...

– А я, конечно, просто так балаболю! – парировал Сноу.

Он резко повернулся к Волкову:

– Капитан, вы читали записи в коммуникаторе?

– Не то чтобы читал, а так – пробежал по диагонали... Но многие записи в нем были запаролены...

– И?..

– Ничего там особенного я не увидел... – Волков почесал затылок. – Нет, только обычные записи: сегодня проверил то, говорил с тем и так далее, видеозаписи бесед и обходов...

– Но зачем-то его украли! Могли бы просто стереть опасные записи и положить на место! Мы бы и не чухнулись! – Сноу поставил на стол пустую чашку.

– Значит, не успели! – ответил капитан, собирая чашки и засовывая их в утилизатор.

Сноу замолк на полуслове, потом поднял палец вверх и медленно проговорил:

– Вот оно! Совершенно верно, капитан. Они или он – не знаю – скорее всего, так и планировали. Но вы полезли в ячейку как раз тогда, когда книжка была изъята. А теперь все – класть ее назад смысла нет. Судя по всему, тут у противника вышла осечка... Капитан, а готовы ли вы пройти мнемосканирование? – совершенно неожиданно закончил Ричард.

Крышка утилизатора, отпущенная Волковым, с громким чмоканьем захлопнулась. Капитан медленно повернулся и посмотрел в глаза Ричарду:

– Мнемосканирование?

– Да, первый уровень. Теперь это совершенно неопасно и просто поможет вспомнить, то, что вы видели в книжке.

Капитан несколько секунд молчал, потом заговорил:

– Хорошо, я согласен, но здесь на Тетраэдре нет мнемосканера, только на Архипелаге в офисе КОНОКОМа. Сейчас свяжусь с майором Санчесом... – Волков достал МИППС.

– Нет, подождите, – придержал его руку Ричард. – А можно обойтись без Санчеса?

Волков долго не мигая смотрел на Сноу, потом произнес:

– Я вас понял, господин Сноу. У меня есть хороший знакомый в НИИ биохимии...

Через десять минут вопрос доставки переносного мнемосканера ближайшим рейсом решился.

– Всего на сутки, Андрей! – кричал из МИППСа знакомый капитану биохимик. – Нам он самим тут позарез нужен!

– Зачем он вообще им нужен? – пробормотал Волков, отключая связь. – Чем они там занимаются?

– Это вы потом проверите, капитан, если захотите. Так, время уже позднее, поэтому предлагаю поужинать и на боковую. Завтра будет день и будет пища.

В своем номере Сноу очутился в одиннадцать сорок пять по условному времени Тетраэдра. Приняв ионно-дисперсный душ, очень слабо насыщенный водой, он лег на узкую постель и на всякий случай застегнул специальный ремень, который, в условиях слабой силы тяжести, не позволил бы ночью упасть с койки.

Сон пришел сразу и затянул его в свой тягучий темный водоворот.

Глава 6

– Я спрессую на орбите черную дыру! Вы все попадете за горизонт событий радиуса Шварцшильда... – разворачиваясь на вертящемся стуле в сторону Сноу, произнес Бонне.

За его спиной возвышалась, переливаясь разноцветным водопадом огней, консоль сложнейшего вычислителя. Бонне, сверля глазами агента, начал вставать с кресла. Ричард медленно попятился от него...

– ...ну же, Ричи! Вставай скорей! Боже ты мой, ну разве можно так спать?! Вставай!..

Злое лицо Бонне перекосилось, и сам он весь съежился и резко взмыл вверх и в сторону. Сноу открыл глаза, и в поле зрения сфокусировался Айво:

– Наконец-то! Пошли, Волкова чуть не угрохали!

– Что-о-о? Как угрохали?! – Ричард хотел вскочить на кровати, но ремни, которые он застегнул перед сном, не пустили и бросили его опять на койку. – Дьявол! Где он?

– В медпункте!

– Черт, помоги расстегнуть эти дурацкие ремни!

– А зачем застегивал? – резонно возразил Айво, но помог раскрыть магнитные замки.

Через десять минут конокомовцы ворвались в медпункт Тетраэдра. Волков лежал на санитарной койке, бледный, до пояса покрытый простыней салатного цвета. Голова и руки утыканы присосками, а над обнаженной рельефной грудью на роботизированном подвижном кронштейне вращался дискообразный сканер. Медестра, стоявшая рядом и следившая на компьютере за показаниями медицинских приборов, обернулась и округлила глаза:

– Кто вас сюда пустил? Вы кто?

На остановившихся агентов строго смотрела симпатичная невысокая девушка.

– Стелла, это мои друзья... – подал голос Волков. – Помнишь, я тебе говорил, что сюда летит комиссия? Вот это они и есть. Пусть останутся. Ведь ты же все закончила.

Сноу и Блумберг перевели взгляд на говорившего. Капитан выглядел вполне прилично для человека, которого собирались убить: может быть немного бледен, но в остальном как обычно.

– Да, но если узнает доктор Лунц... – Стелла беспомощно оглянулась на Волкова. – Андрей, мне сильно нагорит.

– Стелла, – сделал шаг в ее сторону Сноу, – не беспокойтесь. В качестве руководителя инспекционной группы беру на себя всю ответственность за наше вторжение. Как он?

– Ничего. Среднее отравление углекислым газом. Голова пару дней может поболеть. А так – все в норме, – ответила Стелла, снимая присоски с тела Волкова. – Вставай, историк!

Капитан сел, взял со стола салфетку и вытер контактный гель, щедро размазанный по коже.

– Стелла, принеси, пожалуйста, мою одежду.

Девушка вышла, и мужчины остались в помещении одни.

– И что произошло с вами, капитан?

– Ничего особенного, тривиальный сбой в работе системы жизнеобеспечения флаера, – Волков примерился и бросил влажную салфетку в зев утилизатора. – Воздушная смесь не обогащалась, видимо, кислородом в полном объеме, вот и траванулся слегка.

– А кто сделал такое заключение, вы сами, капитан?

– Да, но техники сейчас как раз копаются в аппарате.

В бокс вернулась Стелла с одеждой капитана и протянула ее Волкову. Тот отбросил в сторону простыню, встал с кровати и начал одеваться. Вскоре они вдвоем покинули медблок и остановились в коридоре.

– Вы себя как чувствуете, капитан? Может отдохнуть надо? – спокойно спросил Ричард. – Я серьезно.

– Нет, господин Сноу, все о'кей, не волнуйтесь.

– Точно? – переспросил Ричард и, дождавшись утвердительного кивка, закончил: – Тогда проводите нас к флаеру. По дороге и расскажете, что же с вами произошло.

– Попрощавшись с вами, я вспомнил, что давно не проверял Одинокий утес, – усевшись в неудобное кресло МГА, начал Волков. – Это у нас так называют небольшой астероид, расположенный на примерно той же орбите, что и Тетраэдр, в пятидесяти километрах выше. Там давным-давно построена небольшая автономная научная лаборатория низких температур. Много лет назад, как мне рассказывал полковник АНБ Сэм Бридж, туда завезли дополнительное криооборудование, видимо, готовились расконсервировать лабораторию, прислать людей. Но – нет. До сих пор она так и стоит на этом Утесе позабытая и пустая...

– И никто никогда туда не летает? Что, запрет какой есть?

Капитан задумался и проводил взглядом проплывший мимо них встречный МГА с несколькими оживленно разговаривающими техниками.

– Черт его знает, господин Сноу. Вроде никаких запретов и ограничений на полеты к Одинокому утесу никто никогда не устанавливал, да и зачем? Я вот один раз всего и слетал... Сами видите, чем это кончилось.

– Хорошо, что дальше?

– Дальше. Встав утром пораньше, отправился к спейсфлаеру. Минут через десять-двенадцать после старта я подлетел к Одинокому утесу. Но вдруг закружилась голова, и стало нехорошо. Теперь-то я понимаю, что с самого начала начал травиться углекислотой, но тогда не понял, в чем дело, и продолжил сближение. Я четко видел посадочные огни Утеса и саму научную станцию. Все ее иллюминаторы были темны, и только два прожектора освещали причальный модуль со шлюзом и небольшую площадку вокруг. По-моему, там стоял... Нет, ничего не могу утверждать.

– А все-таки? – прищурился Сноу.

– Не знаю, ей-богу... не уверен. Я вскоре сознание потерял, но, как выяснилось, успел включить аварийный режим. Флаер вернулся на Тетраэдр, причалил на автопилоте, и тут его встретил дежурный техник, который и вызвал врачей, обнаружив меня. Вот, собственно, и все.

Как раз в это время МГА затормозил и надписью на дисплее пульта возвестил о прибытии в пункт назначения. Детективы спешили и подошли к открытой шлюзовой камере. Обе двери – внутренняя и внешняя – открыты, и в глубине кабины ошвартованного флаера просматривался силуэт человека, копошившегося под открытым кожухом секции жизнеобеспечения. Сноу пригнул голову и зашел на борт крошечного орбитального челнока. За ним в тесный отсек аппарата втиснулись Волков и Блумберг.

Техник, рывшийся в механизме, недовольно обернулся на вошедших:

– Не раскачивайте лодку, господа, – вместо приветствия хмуро бросил он.

– Ладно, Ален, не ворчи, – примирительно ответил капитан. – Ты лучше скажи – нашел причину сбоя?

– Причину... – проворчал Ален, распрямляясь и вытирая ветошью грязные руки. – Вот, полюбуйся.

Волков с удивлением взял в руки увесистый баллон для сжатого воздуха, на котором сильно затертыми буквами значилось: CO₂. Все трое вопросительно воззрились на техника.

– Какой-то олух перепутал баллоны при зарядке. Вместо кислородно-азотной смеси зарядил углекислоту как для погрузочной пневматики. Бардак! Ты бы внимательнее следил за своим флаером, Волков. В следующий раз тебе зарядят ацетилен или еще что похуже, и рванет так, что в медблок тащить нечего будет.

– Постойте, – вмешался Ричард. – Получается, что к вашему флаеру имеет доступ каждый? Так, что ли?

– Ну да, – пожал плечами Волков и, открыв вентиль, пшикнул из баллона себе в лицо. – Мне и в голову никогда не приходило проверять, как и что в нем заправлено, а тем более запирать. Приборы же показывали норму!

– Да, показывали, потому что датчик-анализатор состава воздуха барахлил. Я его заменил, – ответил Ален и с шумом закрыл кожух. – Я могу идти, капитан?

– А флаер... – начал было Блумберг.

– Флаер в полном порядке и готов к вылету хоть сейчас. Так я могу?..

Получив утвердительный ответ, техник отобрал баллон у Волкова, поставил чемоданчик с инструментами на платформу подлетевшему дроиду и удалился. Офицеры и Блумберг тоже выбрались из флаера и проводили взглядами скрывшуюся в туннеле фигуру техника и скользящего над полом рядом с ним дроида.

– Так что же с вами произошло, капитан? – задумчиво посмотрел на Волкова Сноу. – Это что – несчастный случай, стечение обстоятельств, или кто-то хотел...?

– ...меня убить? – закончил Волков и искренне рассмеялся. – Нет, господин Сноу, для такого предположения должны быть веские причины, а их нет. Кому, в каком бреду могла прийти в голову идея меня ликвидировать, зачем?

– Не знаю, не знаю, – пробормотал Ричард. – А не слетать ли на самом деле на Одинокый утес? Вы как, Волков, составите нам компанию?

– Полетели, – спокойно ответил тот и полез в кабину.

* * *

И снаружи, и внутри лаборатория низких температур на Одиноком утесе выглядела заброшенной и малоухоженной. Даже чальные захваты сработали не с первого раза, а гофрированный хобот гермотрапа, соединивший флаер и астероидную станцию, долго скрежестал зажимами по обшивке, никак не желая войти в специальные пазы. Наконец, давление уравнилось, автоматика показала герметичность соединения, и трое астронавтов, пройдя по короткому переходу, попали в приемный шлюз. Металлический пол помещения оказался сплошь покрыт тонким слоем серой пыли, на котором бледными, едва заметными контурами отпечатывались следы вошедших. Термометр на стене шлюза замер на отметке -5 градусов по Цельсию, и изо рта астронавтов вырывались прозрачные клубы пара. В темном, слабоосвещенном углу шлюза виднелся переходный тамбур для выхода на поверхность астероида. Там же, рядом, возвышался шкаф с пустотными скафандрами, смотревшимися немного жутковато в общей атмосфере забвения и инертности.

Волков подошел к двери и повернул выключатель. Тяжелая панель с легким чмоканьем разлепила склеившиеся от времени и холода резиновые уплотнители и открыла проход в коридор. Здесь царили такой же холод и темнота, слабо горели лишь дежурные огоньки аварийного освещения, придавая внутреннему пространству налет загадочности и мистицизма.

– Надо расконсервировать станцию... – пробормотал Волков. – Темно, холодно...

– Подождите, капитан, пока ничего не надо. Давайте лучше осмотрим все повнимательнее, – ответил Сноу, крутя головой и осматриваясь.

– Ричи, вот ты мне скажи – что мы здесь надеемся найти, а? Ну какое отношение к нашему расследованию имеет эта забытая Богом лаборатория на замшелом астероиде? – проведя рукой по пластиковой полке и растирая собранную пыль пальцами, спросил Айво. – Я решительно не вижу тут ничего примечательного. Таких консервных банок, закрытых и заброшенных по разным причинам сотни, если не тысячи, в дальнем Внеземелье.

– Очень может быть, Айво, не спорю. Но ведь заметил же капитан при полете какое-то движение? Заметил.

– Ой, Ричи, брось! Сейчас, например, когда мы причаливали, параболическая антенна лаборатории заметно провернулась на несколько градусов, и с ней вместе передвинулась тень – вот тебе и движение! Я уж не говорю о том, что капитан слегка того... отравился углекислотой, – Айво стрельнул глазом в сторону Волкова, но тот никак не отреагировал на реплику, либо сделал вид, что не услышал.

– Может, все и было, как ты говоришь, но проверить мы все-таки обязаны, – гнул свое Ричи. – Значит, давайте так: вы с капитаном облачаетесь в скафандры и обходите всю лабораторию снаружи, а я тут внутри поработаю.

Капитан и начальник отдела не стали спорить, вздохнули и вернулись в шлюз к шкафам с пустотной амуницией, откуда вскоре раздалась шумная возня и сопенье – астронавты напяливали на себя громоздкие вакуумные скафандры. Через пару минут за ними закрылась дверь переходного тамбура и в шлюзе негромко сыграла мелодия, оповещающая о том, что вскоре откроются внешние люки.

Сноу тем временем, без особого труда пройдя несколько десятков метров по опоясывающему весь комплекс кольцевому коридору, нашел центральный пост управления. На загоревшихся после нажатия нескольких кнопок экранах появилось изображение Волкова и Блумберга, спускающихся медленными затяжными прыжками с аппарели входного тамбура.

– Вижу вас на главном экране, друзья, как самочувствие? – включил связь Ричи.

– Нормально, только трудно привыкнуть к силе тяжести, – ответил Айво. – Процентом десять от земной, максимум.

– Восемь и семь десятых, – уточнил Волков.

– Активируйте электромагниты, – посоветовал Сноу.

– Активировали уже, контролер, – проворчал Блумберг. – Послушай, Ричи, ты зачем там остался? Нас с капитаном пасти или осмотреть все внутри?

– Все-все, больше вам не мешаю, – улыбнулся Сноу. – Но вы тоже не молчите, выходите со мной на связь каждые... ну, скажем, полчаса. Нашлемные камеры включены? Да, вижу картинку. Все, работаем!

– Конец связи, – донеслось из миниатюрного динамика.

Ричи переключил видеокамеры Блумберга и Волкова на небольшие боковые мониторы, а на основной экран вывел панорамную картинку поверхности астероида перед входом в лабораторию. На ней виднелся кусочек здания лабораторного комплекса, ошвартованный рядом и соединенный со шлюзом коротким гофрированным переходом небольшой спейс-флаер капитана Волкова и относительно расчищенная от камней площадка. Две небольшие фигурки затяжными медленными шагами удалялись в сторону совсем близкого горизонта. Сноу вынул из кармана и надел на голову миниатюрный обруч с наушником и видеокамерой-проектором, которая не только снимала, передавала и принимала изображение, но и могла проецировать голографический экран в метре от лица. Открыв автоматическую дверь, агент вышел в коридор.

Ричард, не желая расконсервировать станцию, подсознательно не хотел нарушать тот порядок, или, скорее, запустение, царящее в помещениях лаборатории. Коридор, по которому он шел, и отсеки, куда он по ходу заглядывал, являли собой яркое подтверждение на практике второго закона термодинамики. Предоставленная сама себе, лаборатория, в которой отключили даже дежурных дроидов-техников, постепенно, из года в год, приходила все в больший упадок. Слой пыли, срабатывающие с запаздыванием автоматические двери и нехотя включающиеся лампы при приближении говорили сами за себя.

«Пройдет эдак лет пятьдесят и позабытая лаборатория на Одинокое Утесе вообще рассыплется на кирпичи», – с горечью подумал Ричард, но тут же вспомнил рассказ Блумберга

про обнаруженный на Луне русский «Луноход-2». Айво поведал тогда ему и начальнику безопасности лунной базы «Скотт» капитану Барту Хэлвуду, что когда больше века назад совершенно случайно нашли русский «Луноход-2», выяснилось, что связь с ним была потеряна из-за того, что он свалился в глубокую расщелину, от стен которой отражались радиоволны, и куда не проникали лучи солнца даже днем. Батареи вскоре сели, а подзарядиться уже не могли. Так и провалялся он почти сотню лет в лунном кювете, откуда его не вытащили на свет божий и не поставили на колеса. Ископаемый «Луноход-2», пока все вокруг охали и ахали, постоял немного на солнышке, подзарядился и поехал!⁸

Может, и лаборатория окончательно не захиреет, и процесс энтропии, который ее заметно задел, несколько сбавит обороты. Тем не менее осмотреть всю лабораторию следовало, по мнению агента, не расконсервируя ее, сохранив тем самым все возможные следы...

«Какие следы?» – сам себе возразил Сноу, пожимая плечами. Хотя смутное ощущение, что Одинокый утес и заброшенная лаборатория низких температур могут иметь непосредственное отношение к проводившемуся расследованию, не только не покидало его, но все больше и больше крепло.

Мелодия вызова застала его в подсобном помещении биохимического кабинета. Он закрыл створки шкафа, содержимое которого рассматривал, и ответил, включив связь. Перед ним высветился экран, передающий в трехмерном режиме картинку с камеры Айво. Оба астронавта находились в ущелье, и окружавший их первозданный космический мрак рассеивался лишь скудными лучами их заплочных фонариков.

– Слушаю тебя, Айво.

– Отошли от лаборатории на двести метров и двинулись вокруг. Пока все нормально. Что у тебя?

– Пока ничего.

– Ладно, мы потопали дальше.

Картинка перед лицом померкла и исчезла. Ричи вздохнул и закончил осмотр кабинета, в котором не обнаружил ничего интересного. Он вышел в кольцевой коридор и понял, что обошел по кругу всю станцию. Нигде ничего примечательного – везде царило запустение и относительный порядок, только подчеркивающий необжитость станции, ее лабораторий и крошечных кают, предназначенных для проживания ученых и техников. Но персонала не было, и каюты оставались пустыми. Он вздохнул и собрался вернуться в центральный пост дожидаться возвращения товарищей, как его внимание привлек ничем не примечательный овальный люк, утопленный в глубокую нишу стены. Подойдя поближе, он прочитал выцветшую надпись на стене: «Вспомогательные помещения. Технические службы». Сноу голосом приказал главному компьютеру лаборатории высветить схему расположения помещений. На возникшей перед глазами картинке он нашел и люк, и то, что скрывалось за ним. Протянув руку, Ричи нажал на кнопку замка. Ничего не произошло. Тогда он вспомнил, что Волков снабдил его «вездеходом» – радиочипом с кодом, открывающим любые двери на Тетраэдре. Следуя элементарной логике, можно было предположить, что он сработает и на Одиноком утесе, как части комплекса всей астрроверфи. Сноу активировал его, и люк нехотя, с неприятным скрипом и щелчками, открылся, сбросив с себя тучу многолетней пыли. Очевидно, что он не открывался очень и очень давно. Из темного провала выплеснулось облако холодного пара с крупинками серебристого снега. Простояв несколько секунд на пороге, Ричард зажег мощный фонарь и решительно шагнул в темноту.

Тут оказалось значительно холоднее, и почему-то не работало не только стандартное, включающееся при приближении человека освещение, но и автоматическое аварийное. Луч яркого фонаря высвечивал покрытые кое-где изморозью стены, пыльный пол и тянущиеся

⁸ События на лунной базе «Скотт» описаны в романе «Лунная соната». СПб: ИД «Ленинград», 2013.

вдоль коридора толстые жгуты силовых кабелей и гофрированных гибких труб. Кое-где из стен выпирали шкафы, предназначенные, по-видимому, для различных инструментов и оборудования. В одной нише висел накрытый прозрачной пленкой безголовый скафандр. Шлем лежал на полке рядом на уровне поясицы. Через несколько метров справа в стене появилась первая дверь.

«Фильтрационная», – вслух прочитал Сноу табличку и, открыв замок волковским «вездеходом», вошел. В центре большого помещения располагались несколько больших прозрачных емкостей, заполненных водой. К ним подсоединялись различные по сечению трубы. Их было так много, и переплетались они столь причудливо, что в мечущемся свете фонаря напоминали шевелящиеся клубки ядовитых змей. Ричи невольно передернул плечами и бросил взгляд на показания электронного градусника на стене: плюс два. У дальней стены светился несколькими тусклыми индикаторами щит управления всем этим водным хозяйством. Когда Ричи проходил мимо одного из прозрачных чанов, раздался громкий булькающий звук. Сноу замер и медленно повернулся к емкости. Со дна сосуда поднялись воздушные пузырьки и исчезли в верхней непрозрачной части огромной колбы. Сноу внимательно присмотрелся к воде в емкостях. Всюду она казалась прозрачной и чистой.

«Естественно, ведь лаборатория на консервации, циркуляции воды практически нет, а сама она стерильна от бактерий», – решил он, снова вышел в коридор и двинулся дальше. Склад, душевая, криокамера и другие, осмотренные помещения, не вызвали никаких подозрений. Справа от каждой двери тускло горели крошечные красные индикаторы, сообщая, что в помещениях никого нет, и они заперты. Наконец, агент otvorил дверь с табличкой «Технологический блок». На его удивление, после того, как он шагнул внутрь, там медленно стал разгораться неяркий свет. Ричард опустил и выключил фонарь, сделал шаг от двери и остановился. Что привлекло его внимание, он сразу не понял, а когда осознал, ему стало ясно, что не зря они прилетели на Одинокий утес, ох не зря!

Весь пыльный пол технологического блока был истоптан рифлеными подошвами.

Глава 7

– Похоже на кроссовки, размер 42-й, даже фирма отпечаталась... так-так... Сноу, дай-ка зеркало. Ага «Миллениум коллекшн», – сидевший на корточках Блумберг победно взглянул на Ричи.

– Это не фирма, а название серии. Но неважно, зацепка есть, – Ричард посмотрел на Волкова. – Дело за малым: выяснить, кто из обитателей Тетраэдра носит такие кроссовки.

– Это же больше пяти тысяч человек! Каждый носит по две-три, а то и пять пар обуви! – всплеснул руками капитан. – Несколько недель работы!

– Ничего подобного, – ободряюще улыбнулся Ричи. – На Тетраэдре на сегодняшний день зарегистрировано... пять тысяч семьдесят человек. Мы втроем отпадаем, так? – Волков машинально кивнул. – Наверное, можно отместить и всех женщин, ведь редко кто из них носит кроссовки, да еще 43-го размера. Так? А сколько у нас женщин на верфи?

– Пятьсот сорок три, – сверился с МИППСом Волков.

– Итого, за вычетом нас и всех женщин остается... четыре тысячи пятьсот двадцать четыре человека. Суший пустяк! А мы еще сократим список, если узнаем что-нибудь о фирме и коллекции. Но мы оставим это на потом, а для начала выясним одну деталь, которая, возможно, освободит нас от необходимости проверять всех. Надо проверить Бонне. Уверен на девяносто процентов, что это он здесь наследил, больше никому.

– Но почему именно Бонне? – задал резонный вопрос Айво. – Где логика?

– А логика простая – ни с кем больше тут в последнее время не происходило ничего необычного. Поэтому Бонне, я уверен!

– Хорошо, хоть логика и хромая, ну да ладно, – согласился Блумберг. – Капитан, а не можете вы сделать стандартный полицейский запрос: какая фирма выпускает кроссовки модели «Миллениум коллекшн» и продавались ли они в арктурианской колонии?

Волков кивнул и углубился в МИППС, а Сноу и Блумберг тем временем продолжили осматривать мастерскую. Кроме натоптанных следов кругом по полу, везде отмечался тот легкий беспорядок, который характерен для обжитых помещений, где работают люди: положенные не совсем ровно инструменты, чуть сдвинутые приборы, неплотно прикрытые створки металлических шкафов.

– Что здесь делали, Айво?

– Кто ж его знает, Ричи? Ты такие вопросы задаешь... Но, похоже, в технологическом блоке работали сравнительно недавно – недели две назад, не больше.

Блумберг покачал головой и заглянул в самый дальний конец блока:

– Эй, а здесь какой-то люк!

– Стой, Айво, не трогай его, не открывай! – плавно подлетел к нему Сноу. – Подожди.

Блумберг резко отдернул руку и вопросительно посмотрел на Ричарда:

– Что еще случилось?

– Коллеги, есть информация! – Волков шел в их сторону, глядя на светящийся монитор МИППСа. – Господин майор во многом прав. Но не во всем. Ограниченная коллекция «Миллениум» фирмы «Ларк» продавалась эксклюзивно в одном-единственном магазине Бриза. Так как при покупке на сумму свыше ста кредитов автоматически фиксируются данные покупателя, то вот вам итог: в течение последних трех месяцев продано двести двадцать пар обуви, и пятеро из счастливых обладателей кроссовок сейчас находятся на Тетраэдре. Среди них – Лоик.

– Лоик? – одновременно воскликнули Ричи и Айво.

– Да, Барбара Лоик, – ответил капитан и опустил коммуникатор.

– Да у нее размер... совсем маленький – тридцать пятый или тридцать шестой, не больше!

– Верно, я тоже помню – она ходит в замшевых мягких мокасынах и размер не больше тридцать шестого! – поддержал Ричард коллегу.

– Значит, покупала не себе! Потому что размер купленной ею пары тоже зафиксирован: сорок третий, – уточнил Волков.

– Черт побери! Капитан, а можно узнать, какой размер носит Бонне?

– Нет ничего проще, господин Сноу. Сейчас я свяжусь в пункте выдачи спецобмундирования, и все прояснится.

Через несколько минут получили ответ: Бонне носит обувь сорок третьего размера.

– Ну, вот видите, капитан, все оказалось довольно просто, – подмигнул ему Сноу. – Теперь и проверять больше ничего не надо – и так ясно, что здесь орудовал главный инженер.

– Ричи, пока у нас только косвенные доказательства и никаких прямых улик! – покачав головой, пробормотал швед.

– Согласен, Айво, но вероятность, что это все-таки Бонне, растет! Интересно, чем же он тут занимался?

– Ричи, чем он тут занимался – хороший вопрос, но вот у меня в запасе специально для тебя есть другой, не менее забавный: а как он попадал в мастерскую, минуя тамбур? Вход в лабораторию с поверхности астероида один – через тамбур или шлюз, называйте, как хотите.

– Что-что? – одновременно переспросили Сноу и капитан. – Минуя тамбур?

– Вы прекрасно все поняли, не валяйте дурака. Следы «Миллениума» обнаружены только в технологическом блоке, больше нигде их нет. У входной двери в коридоре были следы?

– Нет, – мотнул головой Ричи.

– Ну вот, не перелетел же он сюда по воздуху! МГА здесь нет.

– Просто тут дроиды не убирались, а в других местах смахнули пыль вместе со следами, только и делов.

– Ричи, станция на Одиноком утесе законсервирована, причем давно и полностью. Дроиды не убираются тут нигде.

– А как тогда? – спросил Волков.

Айво лихорадочно набрал что-то на МИППСе, подождал, потом поднял озадаченный взгляд на коллег:

– Если не считать сегодняшнего дня, то, согласно главному компьютеру лаборатории, входной шлюз открывался последний раз почти год назад.

– Год назад... – задумчиво повторил капитан, пытаясь что-то вспомнить. Потом брови его поползли вверх. – Я прибыл на Арктур год назад.

– На верфи ничего тогда не случилось? – Блумберг опять взглянул на монитор МИППСа. – Точнее четырнадцатого мая 2274 года?

– Мая, мая... – шевелил губами Волков. – Минуточку! Уехал полковник АНБ Сэм Бридж! Ах, нет, это произошло в марте. Точно помню. А двадцатого мая я прилетел на Тетраэдр...

– Что нам это дает? – задумчиво спросил Ричард. – Подождите, подождите, а когда умер этот, как его... ваш предшественник?

– Тор Гиллиам? Не помню точно, – задумался русский. – По-моему, в мае, числа двадцать пятого.

– Двадцать пятого. И что?

Волков пожал плечами.

– Эй, мастера словесной формы, идите-ка сюда, – раздалось из дальнего угла блока, куда успел переместиться Айво.

Офицеры поспешили к начальнику научного отдела. Тот сидел на корточках перед металлическим шкафом для инструментов и рассматривал темное пятно на полу.

– Как вы думаете, что это? – поднял он голову и взглянул на подошедших.

– Это может быть и разлитое машинное масло, и краска, и... Стоп, Айво! Ты хочешь сказать, что это – кровь? Я угадал, верно?

– Угадал, Шерлок Холмс. Да, причем четвертой группы резус отрицательный – очень редкая кровь и еще более редкое сочетание с резус-фактором. У меня с собой экспресс-анализатор, – пояснил он, заметив готовый сорваться с губ Ричи вопрос. – Группу крови и резус фактор определяет точно и быстро. Вот биохимию, извините, сделать не могу.

Блумберг встал и положил на рабочий стол миниатюрный медицинский прибор. Сноу несколько минут молча переваривал сообщение, потом посмотрел на Волкова:

– Капитан, срочно запросите информацию, кто из сотрудников верфи имеет такую группу крови, вернее, список тех, кто, имея такую группу, находился на Тетраэдре 14 мая 2274 года. Это пока. Потом, возможно, нам потребуются списки командированных на астероверфь в этот период. Как быстро сможете получить информацию, капитан?

– Прямо сейчас, – улыбнулся Волков и потыкал пальцами в сенсорный экран МИППСа. – Стелла, привет, это опять Волков...

Сноу повернулся к Айво. Ученый передернул плечами и произнес:

– Что ты на меня так смотришь? Трудно сказать, венозная это кровь или артериальная, то есть я не знаю, порезал кто-то себе палец, намазывая бутерброд, или кого-то здесь укололи, разрезав пополам молекулярным резаком. Натек совсем небольшой, поэтому, скорее, похоже на небольшой порез.

– Давно оставлен?

– Да, очень. Год-два тому назад.

– Господин майор! – к ним подошел капитан. – Есть ответ с Тетраэдра.

– Ну?! – в унисон спросили Сноу и Блумберг.

– Всего одиннадцать человек имеют такую группу и резус: Томас Райт, Энтони Баффин, Ганс Кюль, Бернар Меллоун, Тор Гиллиам, Елена Топоркова...

– Гиллиам?... – аж подпрыгнул Ричард.

– Да, – поднял глаза удивленный Волков и снова посмотрел на экран, – действительно, Тор Гиллиам...

– От чего он умер, диагноз?

– Сейчас, господин майор!

Волков вновь связался со Стеллой и спустя минуту повернулся к Сноу:

– Гема... черт, не выговоришь! Какая-то разновидность белокровия. Причем развившаяся очень быстро. Говорят, редкий случай в практике.

– Капитан, нам срочно нужен МИППС Гиллиама!

– Господин Сноу, МИППС майора Гиллиама, как я вам докладывал, исчез из ячейки...

– Черт, верно, вы же говорили! Так, так, так... – соображал Сноу. – Как мы можем... О! Капитан, Гиллиам пользовался этим же флаером, что и вы? Отлично, а он сохраняет в своей памяти маршруты?

– Должен! Сейчас свяжусь с компьютером спейсфлаера, – ответил Волков и быстро набрал на коммуникаторе позывной.

Прошло полминуты, и капитан, прочитав высветившееся на дисплее сообщение, поднял голову и проговорил:

– Флаер швартовался здесь 14 мая 2274 года с полудня до двух по универсальному времени Архипелага. Туда и обратно его пилотировал Тор Гиллиам. Пассажиров не было.

– Один, значит, летал. Интересно, он здесь просто походил или с кем встречался? – задумался Ричард. – Капитан сделайте запрос диспетчеру по всем флаерам Тетраэдра на 14 мая 2274 года, не торчал ли на астероиде еще кто?

– Прошу прощения, господин Сноу, но запрос некорректен, – возразил Волков.

– Почему?

– Ведь здесь мог быть любой флаер и с Тетраэдра, и с Архипелага... да откуда угодно!

– Верно, капитан, но пока давайте ограничимся флаерпарком Тетраэдра.

– Хорошо. Но есть такое предложение: озадачить главный компьютер лаборатории.

– Верно, запросить все посадки на Одинокий утес в мае 2274 года! А это можно сделать не расконсервируя станцию?

– Наверное, можно, сейчас посмотрим.

Волков опять углубился в МИППС.

– Ричи, а что ты так упираешься с расконсервацией? Ты что, думаешь, мы кого-то можем этим спугнуть? – спросил Блумберг.

– Не могу знать наверняка, но если сюда кто-то периодически наведывается, то мы действительно его спугнем.

– Господин Сноу, вы не поверите – посадка Гиллиама 14 мая 2274 года стала последней перед нашим сегодняшним визитом.

– Так, а до 14 мая?

– 10 мая опять Гиллиам...

– Еще раньше?

– Январь 2274 года, бригада техников. Еще раньше...

– Все, капитан, хватит, понятно, – задумчиво произнес Сноу.

– Что, что тебе понятно? – не выдержал Блумберг. – Что никто больше не прилетал на астероид?

– Да, Айво. Никто на астероид не прилетал, но кто-то работал в лаборатории, причем попадал в нее удивительным способом – не оставляя следов нигде, кроме как в технологическом блоке! Минуточку! – Сноу прервал сам себя. – А видеокамеры здесь нет?

– Видеокамеры есть. Восемь наружных по периметру и шесть внутренних: входной шлюз, центральный пост... о, нет! Все внутренние камеры, кроме одной, отключены. Черт! – Волков посмотрел на Сноу.

– А какая работает?

– Сейчас, сейчас, – Волков лихорадочно набирал команды на коммуникаторе. – Ага, вот: видеокамера вспомогательного коридора.

– А почему именно там? Непонятно... – озадачился Блумберг.

Ричард подошел к люку, открыл его и вышел в темный коридор. Посветив мощным фонарем в дальний конец, он увидел черную точку маленького объектива под потолком. Он обернулся:

– Капитан, они включаются датчиком движения?

– Да.

– Тогда пусть компьютер лаборатории спроецирует нам сюда... здесь есть голографический монитор? Есть. Пусть даст запись 14 мая.

Через минуту в метре от стены сформировалась четкая трехмерная картинка видеозаписи. Началась она с того, что по темному коридору метался луч яркого белого света, выхватывая из темноты то потолок, то пол, то стены. Благодаря рассеянному свету и тому, что видеокамера переключилась в ночной режим, мрак в коридоре уступил место темным сумеркам, но видно от этого лучше не стало. Появился силуэт человека, медленно идущего по вспомогательному коридору. Это был, судя по всему, покойный Гиллиам. Он подходил поочередно к каждой двери и внимательно вглядывался в индикаторы на стене. К

сожалению, светящаяся сфера каждого диода слегка утоплена в стену так, что, глядя сбоку, свет индикатора увидеть почти невозможно. Гиллиам педантично осматривал дверь за дверью, пока, наконец, не остановился напротив технологического блока. У нее он замер на несколько минут, потом переложил фонарь в левую руку и провел универсальным ключом по окошку сканера. После того, как замок открылся, Гиллиам отворил люк и решительно шагнул внутрь. Отсутствовал он семнадцать минут, потом медленно вышел, пятясь, перешагнув через высокий порожек, и, прежде чем закрыть люк, еще раз зачем-то заглянул внутрь. После этого он двинулся обратно. Через тридцать секунд запись кончилась – Тор вышел из вспомогательного коридора, и датчик движения отключил камеру.

Астронавты переглянулись. Первым нарушил молчание Айво:

– И что нам это дает? Ровным счетом ничего.

– Не скажи! Мы теперь знаем, что Гиллиам целенаправленно зашел именно в мастерскую, а не куда-нибудь еще, – возразил Сноу.

– Да, что-то привлекло его внимание, но вот что конкретно? – пожал плечами Волков. – Индикаторы замка и объема на записи не видны, но свет в блоке не горел, значит, там никого не было.

– Не горел... – тихо повторил Сноу. – Свет не горел... Или его выключили, когда услышали, что Гиллиам открывает дверь. А никто не заметил, что он в руке нес, когда шел обратно? Ну-ка, глянем еще раз.

Они три раза прокрутили запись с того момента, когда Гиллиам выходит из технологического блока обратно в коридор, но рассмотреть, что он сжимает в правой руке, не представлялось возможным – мешало почти полное отсутствие света.

– Так, а теперь запись 10 мая.

Эта запись мало чем отличалась от предыдущей, за исключением того, что руки уходящего офицера были видны – он ничего в них не нес, кроме фонаря.

– Все. На сегодня, пожалуй, хватит. Даже перебор, по-моему. Так, Айво, что ты там про люк говорил? – вспомнил Ричард.

– Да вот, в углу люк зачем-то, – Айво пошел в дальний угол и, чуть отодвинув переносную ширму, прикрывавшую часть стены отсека, показал овальный люк с круглым иллюминатором в верхней части.

Ричард заглянул в иллюминатор и увидел поверхность астероида, залитую ослепительными лучами Арктура. Контрастные иссиня-черные тени создавали иллюзию двухмерности пейзажа, будто нарисованного углем на белоснежном листе ватмана. Мазки теней медленно, но зримо удлинялись – астероид быстро вращался вокруг собственной оси, и сутки здесь равнялись всего трем часам.

– Это аварийный выход. Смотрите, закрыт наглухо. Наверняка открывается пиропатронами, – подошедший Волков посмотрел на Сноу. – Здесь никто априори входить и выходить не может в обычной обстановке – нет переходного тамбура.

– Согласен.

– А в другом конце еще один люк, видите? Это переход в соседний отсек.

– Понятно. Все, уходим.

Конокомовцы в последний раз окинули взглядом помещение блока и вышли.

Когда флаер отчалил и на несколько метров поднялся над поверхностью, Сноу задумчиво созерцал погружающийся в короткую темную ночь корпус лаборатории низких температур. Вся космическая станция выглядела мертвой – лишь причальная флаерплощадка и входной тамбур по-прежнему освещались прожекторами. Темные глазницы редких иллюминаторов слепо таращились в пустоту. Наконец, только антенны космической связи и радиолокаторы на крыше остались освещенными Арктуром, а сам лабораторный комплекс погрузился в чернильную темень. Волков, словно прощаясь, заложил циркуляцию вокруг станции,

и флаер медленно начал ее облет по периметру на высоте нескольких десятков метров. Вдруг Сноу выпрямился в кресле, вытянул руку и произнес непонятное:

– Ну, вот и гости пожаловали.

Блумберг и Волков посмотрели, куда указывал Ричард и застыли.

Один иллюминатор лаборатории ярко светился в ночи, будто окошко в заваленном снегом домике на рождественской открытке.

Глава 8

Капитан Волков сбросил оцепенение, убрал тягу двигателей, и флаер неподвижно завис над астероидом. Первым нарушил молчание Айво:

– Надо навести видеокамеру на иллюминатор и дать максимальное увеличение.

Сказано – сделано. Но из-за того, что Волков не мог расположить флаер прямо напротив иллюминатора, чтобы их не заметили, наблюдение приходилось вести под острым углом.

– Ни черта не видно! – в сердцах ударил кулаком по колену Сноу. – Капитан, пусть компьютер лаборатории нам что-нибудь прояснит. Камеру во вспомогательном коридоре включает, что ли.

Почти сразу на боковом мониторе разлилась чернота – коридор зиял пустотой и темнью.

– А обратно причалить?..

Блумберг не договорил фразу, его перебил русский:

– Нет. Незаметно мы пристыковаться к лаборатории не сможем. Никак. Будет шум.

– А скафандр на флаере есть?

Волков повернул голову и внимательно посмотрел на Ричарда:

– Есть. И переходный тамбур тоже.

– Отлично, – Сноу расстегнул ремни безопасности, встал и по узкому коридору направился в хвостовой отсек. – Капитан, сядьте на грунт так, чтобы флаер не просматривался из иллюминатора. Я надеюсь, это мы сможем сделать тихо и незаметно?

– Ричи, ты чего задумал? – задвигался в кресле Айво в поисках замка ремней безопасности. – Ты куда это собрался? Я с тобой!

– Прошу прощения, господин Блумберг, но скафандр здесь один, – пояснил капитан и стал осторожно сажать флаер.

Айво, отстегнувший ремни, на секунду замер, потом высказался:

– Почему всегда так? Когда скафандр не нужен, он постоянно попадаете тебе на глаза, мешаете, выпадает из шкафа, когда же он нужен позарез, его нет. Просто нет, и все! И хоть ты убейся! Ладно, пойду Ричарду помогу одеться.

Продолжая ворчать, Айво скрылся в коридоре вслед за Сноу. Волков же убрал тягу до минимума, и флаер легко и невесомо приземлился.

С трудом ворочаясь в тесном тамбуре переходной камеры, Сноу натягивал на себя пустотный скафандр. Блумберг, не поместившийся в отсеке, давал советы и пытался поправить амуницию коллеги, периодически поддерживая и оправаля жесткий костюм. Наконец, агент облачился, проверил все системы жизнеобеспечения и спросил:

– У меня тут не будет сюрприза в виде углекислого газа вместо кислорода?

– Включите внутренний анализатор смеси, – посоветовал Волков из кабины пилота.

– О'кей, Айво, отойди-ка. Капитан, я готов, герметизируйте камеру. Пока буду на поверхности, сохраняем на всякий случай радиомолчание. Связь только в крайнем случае.

– Принято, – откликнулся русский и включил насосы.

Створки медленно закрылись, оставив в узком коридоре Блумберга, до последнего момента пытавшегося что-то поправить в доспехах Сноу. Зашипел стравливаемый воздух, и внутри тамбура вскоре установилось нулевое давление, как и на поверхности астероида. Внешний люк открылся, и майор легко спрыгнул с полутораметровой высоты на скальный грунт.

Совсем рядом возвышался металлический корпус лаборатории, погруженный в темноту короткой арктурианской ночи. Сноу плавными осторожными прыжками приблизился вплотную к корпусу и направился в сторону светившего невдалеке иллюминатора. Оказав-

шись у цели, он посмотрел вверх – иллюминатор находился на высоте чуть больше двух метров, и, чтобы заглянуть внутрь станции, надо было слегка подпрыгнуть. Но Ричард решил, чтобы не быть замеченным, не рисковать. Он отстегнул от плеча одну из видеокамер, которыми оснащен скафандр, прикрепил к длинному фонарю, снятому с пояса, и осторожно поднял до уровня иллюминатора.

На левой части прозрачного забрала шлема появилось изображение. Но рассмотреть что-либо снова проблематично – мешала поставленная у люка переносная ширма, перекрывавшая почти весь обзор.

«Дьявол! – про себя выругался Сноу. – Надо было ее вообще оттуда убрать!» Хотя он, конечно, понимал, что предусмотреть все просто невозможно. Позиционируя камеру и так и эдак, Ричард пытался все-таки хоть что-то увидеть сквозь толстое армированное стекло. Пока ясно только одно – кто-то явно находился в технологическом блоке. Тень неизвестного пару раз мелькнула, загораживая свет ламп.

«Кто в блоке, что он там делает?» – размышлял Сноу, но в подсознании уже принял решение и направился в обход лаборатории к входному шлюзу. Проходя мимо флаера, сквозь лобовое стекло которого на него вопросительно смотрели Волков и Блумберг, он жестами дал им понять, куда направляется.

Когда открылись створки переходного тамбура, Ричард быстро, не снимая скафандра и как можно тише, проскользнул в лабораторию и направился в сторону технологического блока. Вспомогательный коридор встретил его тишиной и мраком. Ричард погасил все фонари скафандра, кроме одного, и осторожно приблизился к двери с надписью «Технологический блок». Разгерметизировав скафандр, он расстегнул молнию и достал из кармана комбеза электронный ключ-вездеход. Протянув его к сканеру, он вдруг замер, а потом медленно опустил руку. Он вспомнил, что Айво, когда они покидали мастерскую, обратил их внимание на то, что помещение сообщается с соседним, и показал люк. Тогда они не стали подходить к нему, а зря!

Сноу вернулся к двери соседнего помещения. «Криокамера» – прочитал он на овальной двери, посветив фонариком. Он помнил, что когда заходил туда пару часов назад, там загорался свет. Значит, датчики движения сработают на его появление, а если в люке, соединяющем оба отсека, есть иллюминатор, то его присутствие по вспыхнувшему свету будет тут же обнаружено. Заявлять о себе пока не входило в планы Сноу, и он лихорадочно пытался вспомнить, как выглядит этот злосчастный люк между технологическим блоком и криокамерой: есть в нем иллюминатор или нет? В любом случае, когда он войдет, надо сразу выключить свет. Выключатель должен находиться слева от двери.

Ричард решительно провел ключом по сканеру и, не дожидаясь, пока дверь откроется полностью, протиснулся внутрь и протянул левую руку, коснувшись ручного выключателя. Свет только начал разгораться, но тут же померк, даже не успев толком осветить отсек. Сноу переключил ручной фонарь на потайной режим и почти на ощупь прокрался к люку.

Иллюминатор наличествовал, но совсем небольшой – в виде узкой щели, из которой с другой стороны пробивался холодный белый свет. Затаив дыхание, агент приник к стеклянной светящейся полоске.

В технологическом блоке горел свет и ярко освещал все помещение. За одним из столов, спиной к Сноу сидел человек в белом «химическом» халате и колдовал в окружении целого вороха каких-то деталей, панелей, колб и проводов. Рядом со столом горели разноцветными индикаторами и белесыми дисплеями с десятков разнообразных приборов и счетчиков. Присмотревшись, Сноу заметил, что на незнакомце надета глубокая фильтрующая маска, закрывающая почти все лицо и большую часть головы, а сам он склонился над ска-

нирующим туннельным микроскопом⁹ седьмого поколения, сложную конструкцию которого невозможно не узнать с одного взгляда. Осторожно манипулируя верньерами управления тончайшего электронно-оптического аппарата, способного легко давать разрешение до одного атома и вносить практически любые изменения в молекулярную решетку образца, надевая его новыми свойствами и характеристиками, незнакомец время от времени поднимал голову, чтобы посмотреть на показания светящихся на стене приборов. На ногах незнакомца, похоже, были кроссовки – их светло-серые подошвы с ярко-желтой каймой бросались в глаза.

«Вот и „Миллениум коллекшн“», – мелькнуло в голове.

Пока Ричард прикидывал, стоит ли ему незаметно войти, или продолжить наблюдение отсюда, положившись на естественное развитие событий и отложив принятие решения до критического момента, он ощутил почти незаметный, на самой границе перцептуального восприятия, инерционный толчок. Судя по всему, заметил это и незнакомец, резко выпрямившийся на высоком лабораторном табурете и повернувший к выходу голову, будто к чему-то прислушиваясь. Маска по-прежнему скрывала все лицо, и разглядеть можно было разве что темные волосы химика. Толчки не повторились, и он снова склонил голову над окулярами туннельного микроскопа.

Прошло несколько томительных минут. На долю секунды слегка притух свет, будто к сети лаборатории подключился мощный потребитель.

«Что это?» – недоумевал Сноу и насторожился.

Незнакомец соскочил с табурета и направился к двери в коридор, с минуту постоял неподвижно и чуть приоткрыл ее, не выходя наружу. В этот момент, благодаря тому, что дверная металлическая панель открывалась внутрь, и переходной люк между отсеками остался поэтому вне поле зрения химика, Ричард решил.

Быстро открыв ключом-вездеходом дверь между отсеками, он вошел и бросился к незнакомцу. Но тот оказался резвее, чем ожидал Сноу. Боковым зрением все-таки заметив движение, он быстро отскочил от двери и, повернувшись к агенту, сунул руку в карман, достав оттуда небольшую черную коробочку. Сноу, однако, оказался совсем рядом и попытался перехватить кисть с зажатым прибором. Незнакомец увернулся и плавными прыжками устремился к выходному люку с иллюминатором, на ходу производя манипуляции с коробочкой. Неуклюжий в пустотном скафандре, Сноу, разворачиваясь, споткнулся о подвернувшийся на дороге стул и рухнул на колени. Химик подскочил к внешнему люку и приложил к считывающему сканеру электронный ключ, неведомо как оказавшийся в руке.

Дальше все произошло мгновенно. Ричард судорожно поднялся и прыгнул вперед. Он почти коснулся незнакомца, как тот исчез в яркой вспышке света. Раздался нарастающий оглушительный свист, люк отвалился внутрь, и детектива, вместе с облаком снега, в который мгновенно превратился воздух, и целой тучей мелких предметов стремительно и непреодолимо начало выдувать в безвоздушный мир Одинокого утеса.

Последнее, о чем успел подумать Сноу, был скафандр, который он забыл загерметизировать. Стало нестерпимо холодно, до ожога, и свет померк.

⁹ Сканирующий туннельный микроскоп изобретен Гердом Карлом Биннингом и Генрихом Рорером из лаборатории IBM в Цюрихе в 1981 году. За это они были удостоены Нобелевской премии по физике в 1986 году.

Глава 9

Волков, высадив Блумберга, как можно аккуратнее расстыковался с причальным модулем и, поднявшись над крышей лаборатории, перелетел к светящемуся иллюминатору технологического блока. Там он бережно посадил флаер на грунт метрах в двадцати от иллюминатора и перевел двигатель в режим ожидания. Все шумы внутри кабины и в наушниках стихли. Он приготовился ждать и наблюдать.

«Нагорит мне за самоуправство от Сноу, – невесело думал капитан. – Хотя, не я один, мы с Блумбергом оба решили так действовать. Ничего, отбредаемся!»

В какой момент начал раскрываться внешний спасательный люк, капитан не заметил – глаза уже притомились, и внимание ослабло, но дальнейшую картину спектакля-катастрофы он наблюдал, как из логи. Не успел люк полностью открыться, как в блоке нестерпимо ярко блеснула белесая вспышка, и наружу пыхнуло густым сизым облаком пара и снега, обильно замешанного на целой туче мелкого и крупного мусора. Из-за слабой силы тяжести, высосанные из отсека предметы, как в замедленном показе, разлетались на сотни метров от лаборатории, а напротив распахнутого, ярко светящегося в ночи люка переливалось всеми цветами радуги снежное облако, будто нехотя оседая на каменистый грунт и растекаясь по нему. Волков включил двигатели, подвел флаер поближе и попытался рассмотреть внутренность технологического блока. К его удивлению, ни Сноу, ни предполагаемого гостя там не оказалось, хотя капитан мог поклясться, что самым крупным предметом, вылетевшим через люк, была та самая злосчастная ширма, мешавшая их наблюдениям – теперь безобразно смятая и надорванная. Остальные крупные предметы – столы, стулья, штативы – загромождали пространство у люка.

Волков решил включить связь:

– Господин Сноу! Ответьте флаеру! Прием, прием! Господин Сноу!

– Капитан, здесь Блумберг. Надел скафандр, иду по вспомогательному коридору, люк в центральную часть станции задрал. Никого не вижу. Люк в мастерскую открыт, свет есть, давление – ноль. Захожу.

Волков развернул флаер так, чтобы кабина пилота находилась в каких-нибудь метрах от распахнутого в пустоту люка. Он увидел осторожно входящую в мастерскую фигуру в скафандре. Блумберг.

– Ну, что там? – не выдержал капитан.

– Никого. Полный бардак. Где же Ричи?

– Наружу его не выбросило – я бы увидел.

– А аварийный маяк?

– Аварийный маячок скафандра на запрос не отвечает, – ответил Волков, скосив глаза на консоль аварийно-спасательной индикации. В пылу событий он и не заметил, что активировал экстренный запрос.

– Чертовщина какая-то! – пробормотал Айво. – Стоп, люк в соседний отсек открыт, сейчас там посмотрю.

От нетерпения Волков подвел аппарат вплотную к станции и почти прислонил стекло кабины флаера к комингсу открытого люка. Он видел Блумберга, скрывшегося в другом отсеке. Медленно текли минуты.

– И здесь никого! – наконец раздалось в наушниках.

Блумберг пробрался сквозь завалы из стульев, столов и крупных приборов к распахнутому люку и, глядя на Волкова сквозь стекло кабины, сказал:

– Капитан, срочно вызывайте бригаду спасателей с Тетраэдра. И отодвиньте вашу банду, я выйду.

Волков отвел флаер, и швед, частично разобрав завал, выбрался наружу. Вскочив на раму шасси, он схватился за выступающий из корпуса поручень.

– Врубайте весь свет, капитан, летим искать Ричи! – В голосе Блумберга капитан почувствовал тревожные нотки.

Два ослепительно-ярких прожектора загорелись под брюхом флаера, он наклонился на левый борт, разворачиваясь, и плавно заскользил над поверхностью.

Сорок минут спустя Айво забрался во флаер, с трудом стянул с себя скафандр и прошел в пилотскую кабину. Лицо у него приняло пепельный оттенок.

– Спасатели уже причалили, – посмотрел на него Волков. – Наши действия?

– А вот не знаю, капитан, веришь, нет? – как-то отрешенно произнес Айво.

Русский молча пожал плечами. Блумберг пару минут думал, потом сказал:

– Нужно доложить Дон Кимуре. Где у вас ближайший пункт субкосмической связи?

– На Тетраэдре.

– Летим, капитан...

Волков запустил маршевые двигатели, и флаер стал стремительно удаляться от Одинокого утеса. Когда они пролетали мимо лаборатории, Айво успел разглядеть пришвартованный к ней спейсфлаер и несколько фигурок спасателей вокруг. Во многих иллюминаторах лабораторного корпуса теперь горел свет, но более обжитым он от этого не выглядел.

Айво еще на что-то надеялся и не допускал мысли, что мог потерять Ричарда. Это было выше его сил. Кроме этого, он помнил несколько случаев, когда в самых, казалось, безвыходных ситуациях находилось решение. Однако сомнение все глубже закрадывалось в его душу и точило, точило...

Скоро он увидел приближающуюся махину астрроверфи. Волков выполнил ряд маневров и ловко пристыковал флаер к тому же причалу, с которого они стартовали несколько часов назад. Блумберг нервно сбросил ремни безопасности, поднялся и направился к выходу. Волков посмотрел ему вслед и защелкал переключателями, выключая двигатели и основные системы флаера. Удостоверившись, что машина погрузилась в режим ожидания, он тоже сбросил ремни и поспешил за Блумбергом.

Только за ним закрылась дверь пилотской кабины и стало медленно угасать освещение, как на пульте аварийной индикации замигал рубиновый огонек.

* * *

– ...но мы не теряем надежды, – без всякой уверенности в голосе закончил доклад Блумберг.

Дон Кимура взирал на него с монитора субпространственной связи молча, лишь желваки играли на скулах. Потом он слегка передернул плечами, и его широкое лицо приблизилось, заняв весь экран:

– Блумберг, слушайте меня внимательно. И вы, капитан, тоже. Ричард Сноу – лучший специальный агент КОНОКОМа. Лучший! Если вы его не найдете в течение суток, тогда сами спрячьтесь так, чтобы я вас не смог найти. Ясно?

Конокомовцы хмуро молчали.

– Я чувствовал, что небольшая погрешность в тесте Бонне – это не просто ошибка, сбой, а случайно попавшийся нам на глаза кусочек мозаики, которую кто-то раскладывает у нас под носом. У вас под носом! Зачем это делается, мы не знаем, но вы должны выяснить! Через пару часов с вами свяжется Пирс и даст вам исчерпывающую информацию о Гиллиаме, Бридже и Лоик, которую вы запросили. Надеюсь, к этому времени у вас будут для меня хорошие вести. Ищите Сноу, Блумберг, ищите! И вы, Волков, тоже! В конце концов, на вас лежит личная ответственность за все, что происходит на космоверфи.

Дон Кимура отключился, не попрощавшись.

– Дуглас Пирс! – пробормотал Айво. – Старик Пирс... Ну, мы с вами, капитан, хотя бы будем уверены в той информации, которую для нас нароет Дуг. Он въедлив, как соляная кислота. Но нам сейчас это на руку.

Блумберг заложил руки за спину и стал мерить шагами небольшой кабинет субкосмической связи, расположенный у центральной диспетчерской Тетраэдра.

– Что же, черт возьми, могло произойти в лаборатории? Ведь именно там находились Сноу и этот в маске. Капитан, давайте-ка еще раз прокрутим кадры с камеры Сноу.

Еще во время возвращения на Тетраэдр они несколько раз прокрутили материал, отснятый камерой, установленной на шлеме скафандра Сноу. Изображение транслировалось онлайн на экран спейсфлаера и было записано. Отсюда они знали и о том, что Сноу сначала зашел в криокамеру, и о том, что произошло затем в технологическом блоке. Запись с видеорегистратора Ричи обрывалась на моменте, когда он прыгнул на незнакомца, и сигнал с камеры исчез.

Волков пожал плечами, но покорно достал МИППС и включил запись.

– У вас не создалось впечатления, что на последнем кадре силуэт неизвестного менее четок?

Капитан вздохнул – Айво задавал этот вопрос уже раза три. Может, он и прав, но с уверенностью это сказать нельзя. Неизвестный действительно на последнем кадре слегка потускнел, но это вполне могло быть следствием того, что Сноу резко стал к нему приближаться, и картинка просто смазалась.

В дверь просунулась голова одного из диспетчеров:

– Вы закончили? А то надо связаться с Бетельгейзе, они задерживают поставки нанотрубок для плазменного окна.

– Да, спасибо, мы уходим, – ответил Волков и, пропустив вперед Блумберга, вышел в общий зал.

– Капитан, вы не связывались со спасателями? Будьте любезны, узнайте, нет ли новостей.

– Конечно, господин Блумберг, сейчас.

В очередной раз получив негативный ответ с астероида, Волков развел руками и покачал головой. Блумберг остановился и надолго задумался. Капитан молча стоял рядом и не мешал. Наконец, швед очнулся:

– Так, будем продолжать расследование. Капитан, как мы сможем выяснить, был ли на Тетраэдре Бонне... – он посмотрел на часы, – два часа назад.

– А-а... вы думаете, на астероиде именно он хозяйничал?

– К сожалению, кроссовки в кадр не попали, всю пыль с отпечатками следов выдуло вон, а вот по росту – вполне даже подходит.

Волкову пришлось признать логику Блумберга. Кроме того, подозревать больше просто некого. Но что же на самом деле произошло в технологическом блоке на астероиде? Ни один флаер не причаливал после них к лаборатории, кроме спасательного, но это уже после того, как все случилось. Незнакомец по явился непосредственно в технологическом блоке, минуя другие помещения лаборатории. Как же он туда попал? А что, если...

– Господин Блумберг, а не будет слишком самонадеянным с моей стороны предложить версию нуль-транспортировки? – поравнявшись с молчаливо шагавшим Айво, произнес капитан.

– Совсем нет. Я, например, просто не вижу другого объяснения. Это в двадцатом веке выглядело фантастикой, а сейчас, в двадцать третьем, скорее вызывает удивление, почему мы, используя туннельно-пространственные перелеты, начав понемногу управлять гравитацией, имея мгновенную субпространственную связь, до сих пор не нащупали путь к изоб-

ретению телепортации? Просто поразительно! Ведь понятен же принцип, с которым надо к этому подходить... Когерентность атомов при абсолютном нуле...

Блумберг внезапно остановился как вкопанный:

– Послушайте, Волков, а еще похожие большие астероиды есть в районе Тетраэдра?

– Да, парочка. Один совсем близко...

– А на нем что-нибудь есть?

– В каком смысле? Вы имеете в виду сооружения какие-нибудь?

– Ну да.

– Нет, насколько мне известно, ничего такого там нет – голые куски скал. Кстати, один из астероидов так и называется – Камешек в небе, – ответил Волков.

– Кто-то начитался Айзека Азимова... – пробормотал Айво.

– Кого, простите? – не понял русский. – Азимова?

– Да нет, это я так, умничаю, – краешком губ усмехнулся Айво – большой любитель старого американского фантаста. – Я вот что думаю. Как бы нам выяснить, где во время событий находился Бонне?

– Бонне? Сейчас, дайте подумать...

Глава 10

Сознание возвращалось тяжелыми болезненными толчками, которые отдавались в висках. Спустя несколько секунд он понял, что это его пульс, биение сердца, кровь, которая тягучими импульсами проталкивается по сосудам. Значит, жив. Ричард разлепил веки. Его окружала почти полная темнота, и лишь где-то на самом краю зрительного восприятия мерцал красный отблеск и блеклая россыпь редких огоньков. Ричард пошевелил рукой, ногами и осознал, что он лежит на спине по-прежнему в скафандре. Он вспомнил, что скафандр не загерметизирован, и рука сама потянулась к замку: тот оказался раскрыт, но ни холода, ни недостатка в воздухе Сноу не испытывал. Он медленно сел и включил фонарь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.